

C. B. Куликов

«РЕВОЛЮЦИИ НЕИЗМЕННО ИДУТ СВЕРХУ...»: ПАДЕНИЕ ЦАРИЗМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭЛИТИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье предпринята первая в научной историографии последовательная трактовка предыстории и истории Февральской революции 1917 г. в контексте элитистской, а не классовой парадигмы. Последняя предопределила недооценку исследователями Февраля фактора сознательности, вследствие чего, если он и учитывался, то принимал неадекватную исторической реальности форму большевистского или масонского заговора. Большое внимание уделяется рассмотрению феномена бюрократической элиты, возглавлявшейся монархом и являвшейся правящей, и ее противоречивых отношений с общественной контрэлитой. Автор приходит к выводу, что падение царизма стало результатом не стихийного движения снизу, а революции сверху, вызванной политическим расколом бюрократической элиты, которым воспользовалась общественная контрэлита, действовавшая, в рамках Центрального военно-промышленного комитета, в союзе с революционной контрэлитой.

1. Новое время — новые парадигмы. К вопросу о роли в истории классов и элит

При всем разнообразии политических ориентаций и исследовательских манер историки, изучавшие Февральскую революцию 1917 г., почти всегда, независимо от того, являлись они марксистами или нет, действовали в рамках классовой парадигмы, краеугольным камнем которой является понятие «класс», как особой общественной группы, и вытекающее из указанного понятия представление о борьбе классов как перводвигателе истории. Под парадигмами автор этого термина Т. Кун подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Подобную модель и дал марксизм, разив учение о классах, разработанное Ф. Гизо, хотя, как отмечал еще Б. П. Вышеславцев, ни сам К. Маркс, ни Ф. Энгельс так и не дали четкого определения того, что же они понимали под классами. Классовая парадигма настолько глубоко вошла в сознание исследователей, что ее преобладающее влияние сказывается даже тогда, когда внешне историк декларирует отказ от марксизма. При этом, однако, какая-либо новая парадигма не просто насливается на старую, но подчиняется ее конфигурации, с тем, чтобы следовать ее алгоритму, следствием чего является имитация новизны, ведущая в никуда, так как, будучи одной ногой в старом, а другой — в новом, исследователь, в итоге, просто стоит на месте. Между тем, поиски новой парадигмы, в рамках которой можно было бы продолжить изучение Февральской революции, крайне необходимы, поскольку классовая парадигма, пригодная для изучения социально-экономической истории, менее приемлема при анализе политической истории, т. к. зачастую игнорирует примат ветчной, присущей абсолютно всем государствам и обществам дихотомии «правящие-управляемые», изучаемой в контексте элитистской парадигмы.

На основе классовой парадигмы разработаны, по меньшей мере, две версии истолкования предыстории и истории Февральской революции. Согласно первой

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

версии, революция произошла вопреки буржуазии, стремившейся к соглашению с царизмом, и имела стихийный характер, а потому ее участники плыли по течению революции, лишь подчиняясь народной массе. Специфической чертой этой версии является деперсонификация исторического процесса, сводящаяся к недооценке фактора сознательности, который в истории человеческого общества, в отличие от истории естественной природы, наряду с фактором бессознательности, играет если не первую, то и далеко не последнюю роль, и не учитывается историками не в силу своего отсутствия (в действительности он всегда есть), а по причине того, что остается не найденным. Тем не менее, первая версия пользуется наибольшей популярностью в научной историографии, причем не только отечественной², но и зарубежной³.

² Чеменский Е. Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959; Чеменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Ганелин Р. Ш. Россия в Первой мировой войне. Февральская буржуазно-демократическая революция // Краткая история СССР: В 2-х ч. М.; Л., 1963. Ч. 1; Ганелин Р. Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2-х кн. Л., 1967. Кн. 1; Ганелин Р. Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция // Революционный Петроград. Год 1917. М., 1977; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975; Иоффе Г. З. «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. 1984. Т. 110; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979; Черняев В. Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986. Т. 114; Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г. Л., 1989.

³ Florinsky M. The End of the Russian Empire. New Haven; London, 1931; Chamberlin W. H. The Russian Revolution 1917–1921. New York, 1935. Vol. 1–2; Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939; Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia. London, 1952; Taylor E. The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963; Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23. № 4; 1965. Vol. 24. № 1; Хеймсон Л. Рабочее движение, историческое происхождение и характер Февральской революции 1917 г. // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Мат. межд. кол. историков. СПб., 1992; Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6; Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война. (Мат. межд. науч. кол.). СПб., 1999; Haimson L. The Problem of Political and social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution: Revisited // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 4; Carmichael J. A Short history of the Russian Revolution. London, 1966; Kochan L. Russian in Revolution. 1890–1918. London, 1966; Goldston R. The Russian Revolution. London, 1967; Holliday E. Russia in Revolution. New York, 1967; Rosenberg W. G. Liberals in the Russian revolution. Princeton, 1974; Stone N. The Eastern Front, 1914–917. London, 1975; Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981; Pearson R. The Russian moderates and the crisis of tsarism, 1914–1917. London, 1977; Solisbury H. Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905–1917. New York, 1978; Hildermeier M. Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt am Main, 1989; Bonwetsch B. Die Russische Revolution 1917. Darmstadt, 1991; Пайпс Р. Русская революция: В 2-х ч. М., 1994; Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996.

«Революции неизменно идут сверху...»

Вторая версия основывается на анализе фактора сознательности, приписывая победу Февральской революции большевистской партии (официальная советская историография), социалистическим партиям (М. Мелансон⁴) или масонскому заговору (эмигрантская и, отчасти, современная отечественная историография⁵). Из этих трех концепций наиболее плодотворна концепция М. Мелансона. Несостоятельность большевистской концепции не нуждается в комментариях. Что же касается масонской концепции, то, конечно, нельзя не признать — многие масоны активно участвовали в низложении монархии. Однако даже тот факт, что они составляли большинство активных участников Февральской революции, отнюдь не доказывает, что революция стала результатом масонского заговора, поскольку одновременно все масоны были членами других обществ и учреждений (Думы или, к примеру, Русской православной церкви), которым с тем же успехом можно приписать авторство заговора. Сторонники масонской концепции, претендуя на окончательный ответ, как правило, не опускаются до конкретного исторического анализа технологии революции, поскольку для них все ясно с самого начала, а потому, как и сторонники версии о стихийности, они деперсонифицируют исторический процесс, используя фактор масонства в качестве *deus ex machina*. На первый взгляд, большевистская и масонская концепции основываются на анализировании фактора сознательности, однако и та, и другая делают это путем упрощения, а значит — и извращения, исторической реальности.

В первое послереволюционное десятилетие и позднее в России и эмиграции появлялись отдельные работы, посвященные Февральской революции и близкие по своему духу к элитизму, но тотальная советская цензура, опосредованно влиявшая на сознание не только отечественных, но и зарубежных исследователей, не дала разиться этому направлению⁶. Только в последние годы стали появляться работы, где поставленная тема анализируется в связи с отходом от классовой парадигмы⁷

⁴ Melancon M. Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, 2000.

⁵ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993; Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997; Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое маониство начала XX в. СПб., 2001; Платонов О. А. Покушение на русское царство. М., 2004.

⁶ Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921; Милюков П. Н. История второй русской революции: В 3 вып. София, 1921–1923; Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926; Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1956.

⁷ Черняев В. Ю. Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7; Ганелин Р. Ш. Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8–9; Ганелин Р. Ш. 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. 2000. № 6; Ганелин Р. Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000; Смирнов Н. Н. Февраль и российская государственность // Россия в XIX–XX вв. Сб. науч. ст. СПб., 1998; Lyandres S. On the Problem of «Indecisiveness» among the Duma Leaders during the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 24. № 1–2. Idyllwild, 1999; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 г. СПб., 2001; Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки

и обращением к элитистской парадигме⁸. В настоящей статье, основанной на использовании целого ряда новых источников и выводов, предыстория и история Февральской революции рассматривается сквозь призму элитистской парадигмы. Основоположниками элитизма считаются итальянские социологи конца XIX — начала XX в. Г. Моска и В. Парето⁹. В настоящее время элитистская традиция имеет обширную историографию, причем не только зарубежную¹⁰, но и отечественную¹¹. Краеугольным камнем элитистской парадигмы является понятие «элиты», под которой подразумевается организованное меньшинство, правящее неорганизованным большинством. Отсюда — понятие «правящей элиты» и противоположное ему понятие «контрэлиты», или элиты, лишенной власти над неорганизованным большинством. Правящие элиты, как объекты исследования, конструируются на основе одного из трех методов или их комбинаций. Первый, позиционный метод, объединяет под понятием «правящей элиты» индивидуумов, исходя из формальных позиций, занимаемых ими. Второй, репутационный метод, объединяет под этим понятием деятелей, имеющих репутацию лиц, которые принадлежат к элите. Наконец, третий метод, метод «принятия решений», конструирует «правящую элиту» с учетом того, какую роль играет при принятии решений та или иная персона.

истории. Рязань, 2002; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; *Гайды Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

⁸ *Архипов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000; *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁹ Публикации их работ см.: *Mosca G.* The Ruling Class. New York, 1939; *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites: The Application of Theoretical Sociology. New York, 1968; *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10; *Парето В.* О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1996. № 2. См. также: *Осипова Е. В.* Социология В. Парето: политический аспект. СПб., 2004.

¹⁰ *Lasswell H., Lerner D., Rothwell C. E.* The Comparative Study of Elites. Stanford, 1952; *Parry G.* Political Elites. London, 1969; *Bottomore T. B.* Elites and Society. Middlesex, 1970; *Kelsall R. K., Pool A., Kuhn A.* Graduates: The Sociology of an Elite. London, 1972; *Putnam R. D.* The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, 1976; *Нарта М.* Теория элит и политика: К критике элитаризма. М., 1978; *Endruweit G.* Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt am Main, 1986; *Marger M. N.* Elites and Masses: An Introduction to Political Sociology. Belmont, 1987; *Eldersveld S. J.* Political Elites in Modern Societies: Empirical Research and Democratic Theory. Ann Arbor, 1993.

¹¹ *Ашин Г. К.* Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985; *Ашин Г. К.* Основы элитологии. Алматы, 1996. Вып. 1.; *Ашин Г. К.* Элитология. Смена и рекрутование элит. М., 1998; *Ашин Г. К.* История элитологии. М., 2004; *Малькова Т. П., Фролова М. А.* Массы. Элита. Лидер. М., 1992; *Охотский Е. В.* Политическая элита. М., 1993; *Киселев И. Ю.* Политическая элита: ее сущность и психология (по материалам исследований американских ученых). Ярославль, 1995; *Понеделков А. В.* Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону, 1995; *Понеделков А. В.* Элита. Ростов-на-Дону, 1995; *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Введение в политическую элитологию. Ростов-на-Дону, 1998; *Ашин Г. К., Игнатов В. Г., Понеделков А. В., Старостин А. М.* Основы политической элитологии. М., 1999. Власть и элиты в современной России. СПб., 2003; Власть и элиты в российской трансформации. СПб., 2005. См. также: Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. СПб., 2001.

«Революции неизменно идут сверху...»

В контексте элитистской парадигмы история — это борьба не классов, а элит, которые могут иметь, и чаще всего — имеют, внеклассовый характер. Революции происходят тогда, когда старая правящая элита, будучи кастой, чрезмерно непроницаема для контрэлиты (признаком чего является слабая циркуляция элит, иными словами — вертикальная мобильность), или, наоборот, когда правящая элита слишком проницаема для контрэлиты. Элитистская парадигма подразумевает, во-первых, демифологизацию понятия «народная масса», которая, согласно классовой парадигме, якобы совершает революцию, и во-вторых — концентрацию внимания на роли отдельных личностей или их групп как накануне, так и в ходе революции. Таким образом, если классовая парадигма трактует революцию как результат анонимного «народного творчества», искусственно принижая индивидуальное начало, то элитистская парадигма рассматривает революцию как итог деятельности конкретных людей, возвращая личности подобающее ей значение. При этом термин «народная воля» не отменяется, но лишь понимается как совокупность индивидуальных волей, объединяемых правящей элитой, или контрэлитой, или ими обоими.

2. Бюрократическая элита как квинтэссенция старого порядка

При рассмотрении предыстории и истории Февральской революции сквозь призму элитистской парадигмы преимущественное внимание необходимо обратить на бюрократическую элиту и ее антагониста — общественную контрэлиту, руководившую политическими и общественными организациями и двухпалатным народным представительством — Думой и Государственным советом. Если общественная контрэлита кануна Февральской революции изучена относительно хорошо, то бюрократическая элита этого периода — явно недостаточно, поскольку, как правило, и отечественные¹², и зарубежные исследования¹³ обрываются на 1914 г.

Формально бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие высшие должности, т.е. должности первых четырех классов. Лидирующее положение среди них занимали чиновники, образовывавшие субэлиту, которые не только занимали высокое положение в иерархии власти, но и принимали последние

¹² Оржесовский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. Горький, 1974; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Дубенцов Б. Б. Высшее чиновничество России в кон. XIX — нач. XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в кон. XIX — нач. XX в. Сб. науч. тр. М., 1988.

¹³ Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. 1957. Vol. 4; Raeff M. The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia: 1700–1905 // American Historical Review. April 1979. Vol. 84. No. 2; Amburger E. Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966; Torke H.-J. Das Russische Beamtenamt in der ersten Hälfte der 19 Jahrhundert // Forschung zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1967. Bd. 13; Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early XIX Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 29. № 1; Armstrong J. A. Tsarist and Soviet Elite Administrators // Slavic Review. 1972. Vol. 31. № 1; Yaney G. L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973; Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980; Orlovsky D. T. The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge; London, 1981; Robbins R. G. Jr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; New York, 1987; Lieven D. Russia Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989.

решения, выражая политическую волю бюрократической элиты. В субэлиту входили представители трех отраслей высшей власти: законодательной (назначенные члены Государственного совета), исполнительной (министры, их товарищи (заместители) и директора департаментов) и судебной (сенаторы). Необходимость изучения роли бюрократической элиты в предыстории Февральской революции детерминируется тем, что до революции правящая элита России была элитой бюрократической.

«Даже до введения в России конституционного образа правления, — констатировал последний царский министр финансов П. Л. Барк, — русские монархи, хотя и были самодержцами, чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Собственно говоря, Россия управлялась бюрократической машиной, и монархи обычно руководились в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти»¹⁴.

Вплоть до 1917 г. Российская империя была наиболее типичным примером бюрократической империи, в том смысле, в каком это понятие употреблял С. Хантингтон, отличая ее от абсолютной монархии¹⁵.

Доминирование царской бюрократии над остальными факторами исторического процесса и жесткая иерархичность государственной власти, характерная для дореволюционной России, приводили к тому, что бюрократическая элита являлась поистине квинтэссенцией старого порядка, в большей степени, чем какая-либо иная элита, оказывая решающее влияние не только внутри сферы своей компетенции, но и далеко за ее пределами. Ключевая роль бюрократической элиты в политической системе Российской империи предопределялась и тем, что сам император Николай II был ее членом, выступая в роли высшего чиновника империи. «Император, — отмечал государствоед барон Б. Э. Нольде, — был высшим чиновником, дальше которого некуда было посыпать бумаги на подпись, и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию»¹⁶.

Доминирующей чертой личности Николая II являлась его страсть к работе с документами, т. е. бюрократической деятельности. Царь, подчеркивал бывший товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко, проводил «целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок»¹⁷. Николай II, вспоминала статс-дама баронесса С. К. Буксгевден, подвергал «внимательному чтению» «пачки бумаг», присыпавшиеся министрами¹⁸. П. Л. Барк свидетельствовал, что большую часть рабочего времени императора занимало «чтение многочисленных докладов и донесений, которые ему были адресованы»¹⁹. По наблюдениям дворцового коменданта генерала В. Н. Воейкова, царь ежедневно прочитывал «целую груду всеподданнейших докладов министров и главноуправляющих»²⁰. В марте 1915 г., имея в виду возвышавшуюся на его столе кучу больших пакетов, Николай II сообщил французскому послу

¹⁴ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 173. С. 103.

¹⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 155.

¹⁶ Нольде Б. Э. Из истории русской катастрофы // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 542.

¹⁷ Гурко В. И. Царь и царица. Киров, 1991. С. 15.

¹⁸ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. Тетр. 67. С. 29–30.

¹⁹ Барк П. Л. Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр. 43. С. 10.

²⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1994. С. 211.

«Революции неизменно идут сверху...»

Ж. М. Палеологу: «Смотрите, вот мой ежедневный доклад. Совершенно необходимо, чтобы я прочел все это сегодня». Ж. М. Палеолог подтверждал, что Николай II «никогда не пропускает этой ежедневной работы» и «добропорядочно исполняет свой тяжелый труд монарха»²¹.

Отношение царя к документам было не только пассивным (чтение), но и активным (наложение маркировки). Николай II, отмечал В. Н. Войков, уснащал бумаги «своими пометками или резолюциями»²². По свидетельству С. К. Буксгевден, «на каждом документе» монарх «ставил свои заметки карандашом»²³. Большой объем работы ни в коей мере не задерживал исполнения царем обязанностей высшего чиновника. Он, указывал В. Н. Войков, возвращал доклады «обыкновенно в тот же день»²⁴. С. К. Буксгевден подчеркивала, что «ни одна бумага» не оставалась на столе Николая II, и он «всегда прочитывал и возвращал все без задержки», хотя работа монарха в течение последнего царствования «все время увеличивалась, так как появлялись новые министерства и департаменты»²⁵.

Рабочий день императора заканчивался только с подписанием последней бумаги, т. е. очень поздно. «Я никогда не позволю себе идти спать, — говорил он, — пока совсем не расчищу моего письменного стола»²⁶. Николай II, вспоминал П. Л. Барк, «никогда не шел отдыхать», пока «не поставит своих резолюций на всех бумагах, накопившихся за день на его столе»²⁷. Обилие бумаг, рассматривавшихся Николаем II, удлиняло его рабочий день до полуночи. Царь, по наблюдениям С. К. Буксгевден, «зачастую просиживал до поздней ночи, чтобы ознакомиться со всеми бумагами»²⁸. Говоря о Николае II, А. А. Вырубова указывала, что «даже восемь часов работы были для него редким исключением»²⁹. Перегруженность императора работой с бумагами приводила к постоянному дефициту у царя свободного времени. «Вы счастливая женщина, — жаловался Николай II баронессе С. К. Буксгевден, — у меня же масса работы, которую я еще должен сделать. Должен просмотреть министерские донесения, и уж в 9 часов я должен принять Х., так что вставать мне придется в 7 часов утра!»³⁰ В июне 1916 г. жалоба монарха на перегруженность работой перешла в крик отчаяния. Министры, сообщал он супруге, «продолжают приезжать сюда почти каждый день и отнимают у меня все время; я обыкновенно ложусь после 1 ч. 30 м., проводя время в вечной спешке с писанием, чтением и приемами!!! Прямо отчаяние!»³¹ Иррациональная одержимость императора бюрократической деятельностью имела вполне рациональную мотивацию.

В работе с документами Николай II видел «главное исполнение своего долга и не отступал от него», доходя при этом до «необыкновенной усидчивости» и «необычайной

²¹ Палеолог Ж. М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 171.

²² Войков В. Н. С царем и без царя. С. 211.

²³ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала... С. 29–30.

²⁴ Войков В. Н. С царем и без царя. С. 211.

²⁵ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала... С. 29–30.

²⁶ Гурко В. И. Царь и царица. С. 15.

²⁷ Барк П. Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С. 10.

²⁸ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала.... С. 29–30.

²⁹ Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники / Сост. Б. В. Ананьев, Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 180.

³⁰ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала... С. 31.

³¹ Николай II — Александре Федоровне. 11 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 475.

самоотверженности»³². По сути дела, Николай II являл собой типичного идеального бюрократа, описанного М. Вебером. Пример последнего самодержца доказывает лучше всего, что в России начала XX в. бюрократизация верховного управления достигла наивысшей степени, и роль интегрирующего фактора стала играть не царская власть, а бюрократическая элита. Поэтому изучение именно ее весьма способствует пониманию причин, закономерностей и последствий падения старого и возникновения нового порядка, а также развенчанию мифов, до сих пор искажающих исследовательскую перспективу. Что же представляли из себя главные категории бюрократической элиты к 23 февраля 1917 г., накануне Февральской революции?

3. Миf о дворянском засилье. Проблемы вертикальной мобильности и циркуляции элит

Исследования последних лет позволяют получить представление об итогах социальной эволюции высшей бюрократии³³. При этом развенчивается миф о дворянском засилье на вершине власти, сохранявшемся, якобы, вплоть до падения монархии. Впрочем, действительно, по своему происхождению большинство сановников принадлежали к потомственному дворянству. На уровне высшей столичной бюрократии недворяне составляли одну шестую членов Государственного совета, две пятых министров, треть товарищей министров и директоров департаментов, одну пятую сенаторов. На уровне высшей провинциальной бюрократии недворяне образовывали четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну десятую вице-губернаторов, более трети председателей судебных палат и окружных судов. Недворяне доминировали только среди управляющих казенными палатами и акцизовыми сборами (две трети). Среди послов и посланников они составляли одну седьмую. Налицо, как будто бы, слабая вертикальная мобильность и циркуляция элит и, как их последствие, небольшая демократизированность бюрократической элиты, но это только кажется.

Дворянская прослойка бюрократической элиты была крайне неоднородна, на что в историографии, в отличие от неоднородности дворянства в целом³⁴, не обращается должного внимания. Во-первых, данная прослойка включала в себя представителей старого, допетровского дворянства. Они образовывали явное большинство только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. Особую подгруппу составляли титулованные дворяне, составлявшие внутри всех категорий меньшинство.

³² Гурко В. И. Царь и царица. С. 5, 13, 15.

³³ Куликов С. В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5; Куликов С. В. Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения – 96. Мат. энциклопедической библ. «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1996; Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во 2-й пол. XIX — нач. XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX–XX вв. СПб., 1999 (совместно с Б. Б. Дубенцовым). См. также: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 2. С. 162–175, 199–208.

³⁴ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Беккер С. Миf о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. См. также: Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000.

«Революции неизменно идут сверху...»

Дворянская прослойка включала в себя и представителей нового дворянства, т. е. потомков лиц, которые выслужили дворянское достоинство. Новые дворяне принадлежали к потомственному дворянству только формально. В октябре 1906 г. специалисты по дворянскому вопросу выделили элементы, «не только не однородные» с поместным дворянством, но «подчас и прямо враждебные, как не связанные классовым интересом». К этим элементам оказался отнесенными «интеллигентный пролетариат», состоящий из дворян, «вшедших в сословие за “выслугу лет” их родителей, или в бюрократических должностях, или в духовном сане»³⁵. Фактически новые дворяне являлись представителями потомственного чиновничества и офицерства, разночинцами. Большинство министров царствования Николая II, по наблюдениям выборного члена Государственного совета В. И. Гурко, «не принадлежало ни к дворянскому, ни к землевладельческому классу»: «все были из разночинцев, никто не принадлежал к знати»³⁶. Подобного рода разночинцы к 1917 г. составляли треть членов Государственного совета, одну десятую министров, одну пятую товарищей министров и директоров департаментов, почти треть сенаторов, треть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну пятую вице-губернаторов, одну десятую управляющих казенными палатами и акцизовыми сборами, четверть председателей судебных палат и окружных судов и одну десятую посланников.

Неоднородной была не только дворянская прослойка, но и входившая в нее подгруппа старых дворян, которую образовывали помещики и безземельные сановники. Безземельные старые дворяне составляли одну пятую членов Государственного совета, треть министров, четверть товарищей министров, директоров департаментов, сенаторов, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две пятых вице-губернаторов, около четверти управляющих казенными палатами и акцизовыми сборами, одну пятую председателей судебных палат и окружных судов и две пятых дипломатов. Безземельные старые дворяне принадлежали не к дворянству, а к интеллигенции с точки зрения не только консерваторов, но и оппозиционеров. В октябре 1906 г. представители правых партий полагали, что дворянство делится «на две части с противоположными интересами: на класс поместного дворянства (консервативный) и на класс дворян интеллигентов-пролетариев (радикальный и даже революционный)»³⁷. Потомственные дворяне, «порвавшие связь с землевладением, — указывал кадетский историк А. М. Ону, — слились с интеллигенцией»³⁸.

Новые дворяне и безземельные старые дворяне по своему социальному статусу были ближе к недворянам, а не к старым дворянам, обладавшим землей. Поэтому первых трех целесообразно соединить в одну прослойку. Недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты составляли подавляющее большинство: две трети (65,5 %) членов

³⁵ Доклад на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // Правые партии. Док. и мат. / Публ. Ю. И. Кирьянова: В 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 230.

³⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 248.

³⁷ Приложение 2 к докладу на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // Правые партии... С. 238.

³⁸ Ону А. М. Загадки русского сфинкса. М., 1995. С. 19.

Государственного совета, четыре пятых министров (80,9 %), товарищей министров и директоров департаментов (78,4 %), три четверти (76,6 %) сенаторов, более половины (54 %) генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две трети (69,7 %) вице-губернаторов, 96 % управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четыре пятых (82,8 %) председателей судебных палат и окружных судов и две трети (65,6 %) послов и посланников. Следовательно, в Российской империи к 1917 г. степень вертикальной мобильности и циркуляции элит, а значит — и демократизированности бюрократической элиты, на самом деле была весьма высокой. «Россия в смысле возможности восхождения к власти отдельных лиц, — писал в связи с этим последний государственный секретарь С. Е. Крыжановский, — была страною едва ли не самой демократической (все высшее чиновничество, не исключая и министров, слагалось по преимуществу из лиц невысокого происхождения), и управление Империи было наименее классовым»³⁹. Отметив, какую малую роль играло происхождение при назначениях на высшие государственные должности в России начала XX в., октябрьст барон А. Ф. Мейендорф заключал: «Российская империя была самой демократической монархией в мире»⁴⁰.

В свою очередь, П. Л. Барк писал А. Н. Яхонтову, что «ни одна страна не была столь демократична, как Россия», поскольку в ней «все карьеры были открыты талантам и энергии, начиная со Сперанского и кончая графом Витте и Кривошеиным». По наблюдениям П. Л. Барка, «главное влияние в нашем правительстве имели самородки (селф-мед-мен), и им наша родина обязана особенно своим развитием и прогрессом». П. Л. Барк указывал, и совершенно справедливо, на «абсолютное отсутствие влияния на ход дел нашей аристократии», расценивая данный факт как «отрицательное явление, потому что славянская душа не была связана старинными традициями и дисциплиной, как в других странах, например в Англии»⁴¹. В связи с этим, причиной Февральской революции можно считать не закрытость бюрократической элиты, а ее чрезмерную открытость, которая привела к социальной неоднородности правящей верхушки и ослаблению силы со-противления бюрократической элиты натиску общественной контрэлиты.

4. Миф о необразованности. Взаимопроникновение власти и науки в действии

Еще один миф, имеющий широкое распространение при объяснении причин падения монархии, — миф о необразованности правящей верхушки. Между тем, подавляющее большинство сановников являлись выпускниками вузов, среди которых лидировали выпускники университетов. Четверть от общего числа представителей высшей столичной бюрократии были выпускниками Петербургского университета, а более одной шестой — выпускниками его юридического факультета⁴². К началу XX в. именно высшее образование, а не сословное происхождение стало главной предпосылкой бюрократической карьеры. Как отмечала

³⁹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. г. С. 122.

⁴⁰ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 512.

⁴¹ П. Л. Барк — А. Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон, Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 451.

⁴² Куликов С. В. Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения—96. Мат. энциклопедической библ. «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1996. С. 172.

«Революции неизменно идут сверху...»

кадетская функционерка А. В. Тыркова, «образование и способности открывали в России путь к любой службе. Несмотря на неосторожные слова министра народного просвещения Делянова, что кухаркиным детям ни к чему давать образование, гимназии и университеты были всесословны. Получив диплом, можно было высоко подняться по бюрократической лестнице»⁴³. Образовательный уровень бюрократической элиты был довольно высоким даже по сравнению с остальными группами образованного общества. Современники, вхожие как в бюрократические, так и в интеллигентские круги, а значит — имевшие возможность для компетентного сравнения потенциала тех и других, отдавали пальму первенства бюрократической элите.

Директор Канцелярии министра земледелия И. И. Тхоржевский, хорошо знавший «среду русской либеральной интеллигентии», вспоминая о своих, относящихся к началу XX в., впечатлениях от личного состава наиболее элитарных учреждений того времени — Государственного совета и Государственной канцелярии, подчеркивал, что те круги высшей бюрократии, с которыми он соприкасался, «сразу показались» ему «самыми культурными»⁴⁴. Характеризуя состав Государственного совета, его выборный член М. М. Ковалевский писал в 1914 г., что «бюрократические элементы» верхней палаты «по уму, талантливи, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными»⁴⁵. В. И. Гурко считал, что «служба правительства поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном»⁴⁶. В этой связи особое значение приобретает проблема отношений власти и науки в предреволюционной России⁴⁷. Персональные отношения между ними протекали в рамках трех идеальных типов.

Первый тип, «ученого во власти», аккумулировал индивидуальные особенности профессиональных ученых, разменявших чисто научную карьеру на карьеру административную либо судебную. Поставщиками представителей этого типа были университеты, присуждавшие ученые степени кандидата, магистра и доктора. Сновники, имевшие ученые степени, начиная с низшей из них — кандидата, среди назначенных членов Государственного совета составляли 50 человек (36 %), среди министров — 9 человек (42,3 %), среди товарищей министров и директоров департаментов — 33 человека (22,1 %), среди сенаторов — 143 человека (45,7 %). Массированное пополнение бюрократической элиты представителями науки началось на рубеже XIX–XX вв. «В Государственной канцелярии, кроме представителей русской знати, — характеризовал ситуацию этого времени И. И. Тхоржевский, — было уже немало и людей моего типа, т. е. прошедших высшую научную школу и приобретших в ней, кроме знаний, привычку быстро и объективно разбираться в сложных вопросах. Служилый Петербург, как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми: стягивал к себе, обирая профессуру, свежие умственные силы»⁴⁸.

Наблюдавшийся в начале XX в. наплыв ученых во власть был беспрецедентно широк. Профессор И. Я. Гурлянд, редактор столыпинского официоза

⁴³ Тыркова А. В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 241.

⁴⁴ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 31.

⁴⁵ Ковалевский М. М. Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 91.

⁴⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого... С. 241, 242.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Куликов С. В. Власть науки и наука власти в России нач. XX в. // Россия XXI. № 5–6. М., 2001; Куликов С. В. Царская бюрократия и научное сообщество в нач. XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1910-х гг. Мат. межд. науч. колл. СПб., 2003.

⁴⁸ Тхоржевский И. И. Последний Петербург... С. 32.

«Россия», даже утверждал, что в оппозиции остались не профессора, а «полупрофессора», так как, якобы, в ее рядах «подвизаются именно наименее серьезные ученые силы. Первые же ряды в этой среде заняты, конечно, людьми, лишенными всякой научной подготовки, теми приват-доцентами, вечными магистрантами и всякого рода “исправляющими должность профессоров”, которые являются живым свидетельством нашей нищеты по части ученых сил»⁴⁹. Конечно, мнение И. Я. Гурлянда, впрочем, как и мнение его политических оппонентов, было ангажировано, но факт остается фактом — тип «ученого во власти» внутри бюрократической элиты к 1917 г. стал одним из наиболее распространенных, оказывая огромное влияние на формирование нового имиджа царского бюрократа.

Следующий тип — «несостоявшегося ученого», обобщавший индивидуальные черты сановников, имевших ментальность ученого, которую в силу тех или иных чисто внешних причин они не актуализировали до конца. К научному сообществу они принадлежали, поэтому, не по формальному статусу, а именно по ментальности. Рассадниками представителей этого типа были привилегированные юридические вузы Петербурга — Александровский лицей и Училище правоведения; выпускники внутри всех категорий бюрократической элиты в совокупности составляли прослойки, уступавшие только прослойкам выпускников университетов. Основной причиной того, почему именно они давали наибольшую долю «несостоявшихся ученых», являлся сословный состав учащихся упомянутых вузов, пополнявшихся выходцами из аристократии. Между тем, именно в аристократической среде, вспоминал С. Ю. Витте, профессиональные занятия дворянами наукой расценивались как нечто совершенно предосудительное⁵⁰. Другой причиной существования прослойки «несостоявшихся ученых» являлось осуждение дворянства. Профессиональные занятия наукой, особенно для начинающих ученых, были довольно дорогим удовольствием. Если у них отсутствовали необходимые материальные средства, как это произошло в случае с В. Н. Коковцовым, научную карьеру приходилось кончать, ее не начавши⁵¹.

Третий идеальный тип — тип «просвещенного сановника», доставшийся в наследство от XIX в., являлся некоей золотой серединой между типами, рассмотренными выше. С одной стороны, подобного рода сановники, кончая либо привилегированные вузы, либо средние (главным образом — военные) учебные заведения, либо, наконец, имея домашнее образование, не были связаны с наукой формально, с другой, занимаясь ею на досуге, — вносили в нее вполне реальный вклад. Конечно, научные сочинения, вышедшие из-под пера этих сановников, подчас отмечены печатью дилетантизма. Однако иногда их исследования начинали целые историографические направления, как это было в случае с И. Л. Горемыкиным, работа которого по истории польского крестьянства⁵², изданная им в возрасте 30 лет, появилась несколькими годами раньше соответствующих работ не только на русском, но и польском языке. Среди «просвещенных сановников» традиционно заметное место занимали выходцы из титулованной аристократии, отличавшиеся высочайшей наследственной культурностью. Характерны в этом смысле председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринский или председатель Археографической комиссии граф С. Д. Шереметев.

⁴⁹ Васильев Н. П. (Гурлянд И. Я.) «Оппозиция». СПб., 1910. С. 51.

⁵⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 84.

⁵¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 22.

⁵² Горемыкин И. Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869.

«Революции неизменно идут сверху...»

Поскольку под рассмотренные идеальные типы подпадало подавляющее большинство представителей бюрократической элиты, имеются основания для вывода о том, что, подобно тому, как научное сообщество, вследствие своей огосударствленности, являлось только частью, подсистемой царской бюрократии, в свою очередь, она, через бюрократическую элиту, была подсистемой научного сообщества. Внутри высшей бюрократии юристы преобладали над остальными гуманитариями, а гуманитарии над технократами, составлявшими, в отличие от общественной контроллы, ничтожное меньшинство. По сути дела, к 1917 в России сложилось то «правление философов», которое выставлял в качестве идеала еще Платон. Итак, российская монархия начала XX в. являлась формой доминирования гуманитарной научной субкультуры над технократической, а одной из причин Февральской революции был конфликт между ними.

5. МиФ о власти помещиков.

Проблема социальной неоднородности бюрократической элиты

Пожалуй, самый хрестоматийный миф, используемый для интерпретации предыстории и истории Февральской революции, — миф о помещичьем характере высшей бюрократии. Однако внутри всех категорий бюрократической элиты землевладельцы составляли меньшинство, за ними шли домо- и заводовладельцы. Среди землевладельцев доминировали мелко- и среднепоместные дворяне. Владельцы крупных поместий были крайне немногочисленны. Большинство сановников почти всех категорий (кроме генерал-губернаторов) не обладали недвижимой собственностью. Для них основным источником существования являлось жалованье. Как указывал В. И. Гурко, «средствами даже крупное чиновничество совсем не обладало и жило исключительно на получаемое жалованье»⁵³.

Отсутствие у сановников земли слабо компенсировалось их участием в частнопредпринимательской деятельности, во-первых, из-за последовавшего еще в 1884 г. запрета совмещения высших должностей государственной и частной службы, а во-вторых, по причине ментального порядка. Представители бюрократической элиты разделяли мнение о предпринимательской деятельности как о чем-то второродном и даже недостойном.

«Как это ни покажется странным, — указывал П. А. Бурышкин, — до самой революции в некоторой части так называемого высшего общества и крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение не только к торгово-промышленным деятелям, в огромном большинстве недворянам и часто недавним выходцам из крепостного крестьянства, но и к самой промышленности и торговле»⁵⁴.

В основе презрительного отношения к предпринимательству лежало мнение о неизбывной порочности денег и всего, что с ними связано, прививавшееся с самого детства, а потому — влиявшее на стиль последующей жизни намного сильнее, чем навыки, приобретенные позже. Граф П. А. Граббе вспоминал, что, хотя его родители и «не уставали» напоминать ему о том, «какую важную роль играют деньги», тем не менее, они его приучали к тому, что «нельзя на людях в открытую обсуждать, что сколько стоит». По наблюдениям П. А. Граббе, «вообще упоминать о деньгах считалось неприличным. Это дурной тон. Торговаться при покупке считалось вульгарным. Торговцы пользовались репутацией сомнительных людей; ведь всем известно,

⁵³ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого... С. 244.

⁵⁴ Бурышкин П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 296–297.

что у них одна единственная в жизни цель — делать деньги, цель едва ли достойная⁵⁵. Антиденежный пафос ментальности высшей бюрократии родил ее с интеллигенцией, для которой был характерен культ бессребренничества.

Зависимость уровня жизни представителей бюрократической элиты от жалованья не вела к усилению ее коррумпированности вследствие высоких окладов содержания сановников. Система российской государственности начала XX в., подчеркивал датчанин К. А. Кофод, «порождала, конечно, коррупцию, но эта коррупция почти никогда не выходила за пределы отдельных ведомств. И русские ни в коей мере не были коррумпированы больше других наций»⁵⁶. Царские министры периода Первой мировой войны имели, пожалуй, самую плохую репутацию, в том числе и по части бескорыстия. Однако, как вспоминал следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А. Ф. Романов, революционному правительству «не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением». Комиссия была вынуждена прийти к выводу, что царские министры не совершали «тяжкие уголовно наказуемые деяния»⁵⁷.

Несмотря на то, что многие безземельные сановники являлись дворянами, представители поместного дворянства не считали их своими. В. Н. Ознобишин заявил 21 мая 1906 г. на заседании Первого съезда уполномоченных дворянских обществ, что «истинное дворянство поместное, живущее на земле, ничего общего не имеет с теми дворянами, которые наполняют петербургские канцелярии и которые никакими традициями с поместным дворянством не связаны»⁵⁸. Безземельные дворяне выпадали из своего сословия. По наблюдениям князя С. Е. Трубецкого, представители дворянства, не имевшие поместий, теряли характерные черты «служилого сословия»⁵⁹. Безземельные дворяне пополняли ряды интеллигенции. В октябре 1906 г. специалисты по дворянскому вопросу отнесли к «интеллигентному профлариату» «дворян, не владеющих и никогда не владевших поместьями»⁶⁰, а в 1908 г. констатировали, что с потерей земли «высший класс» «обратился бы всецело в так называемую интеллигенцию»⁶¹. Следовательно, вопреки марксистскому стереотипу, к 1917 г. Россией правили не помещики, а бюрократы-профессионалы, являвшиеся настоящими интеллигентами.

⁵⁵ Граббе П. А. Окна на Неву. Мои юные годы в России. СПб., 1995. С. 30. Подробнее об этом см.: Куликов С. В. «Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле». Придворные и предприниматели в нач. XX в. // История глазами историков. СПб.; Пушкин, 2002; Куликов С. В. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003.

⁵⁶ Кофод К. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. С. 255.

⁵⁷ Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 37, 38.

⁵⁸ Журналы заседаний Первого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ / Публ. А. П. Корелина. М., 2001. Т. 1. 1906–1908 гг. С. 49.

⁵⁹ Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 117.

⁶⁰ Доклад на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве... С. 230.

⁶¹ Приложения к журналам заседаний Четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство... С. 849.

«Революции неизменно идут сверху...»

6. Миф об антагонизме бюрократии и интеллигенции.

Вертикальная и горизонтальная поляризации

К 1917 г., в результате социальной эволюции бюрократической элиты, с точки зрения значимых показателей (сословное происхождение, образовательный уровень и имущественное положение) она стала частью «служилой интеллигенции», которая пребывала в составе российской интеллигенции и ранее вмещала в себя только среднее и низшее чиновничество⁶². Впрочем, традиционно считается, что интеллигенция, или, используя термины элитизма, общественная контрэлита, противостояла самодержавию, а значит — бюрократической элите. Однако это мнение грешит политизированностью. «Интеллигенцию, — писал И. И. Петрункевич, ее наиболее типичный представитель, — объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятие наукой, литературой, искусством, все то, что носит название свободной профессии. Интеллигенция поглощает бесконечное разнообразие всевозможных мнений, направлений, интересов и социальных положений»⁶³. Согласно деполитизированному определению, сановники, как носители специальных, управленческих знаний, были настоящими интеллигентами. Нельзя поэтому согласиться с В. Р. Лейкиной-Свирской, которая утверждала, что «образование и навыки» чиновников «оставались вне функций профессионального труда интеллигенции»⁶⁴.

С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники. В. С. Глинка-Янчевская писала А. С. Стеткевичу в январе 1915 г., что «наш правящий класс» «воистину стал каким-то интернациональным интеллигентом»⁶⁵. «Русский чиновник и интеллигент, — отмечал английский журналист Р. Вильтон, — были братьями той же семьи»⁶⁶. Последний царский министр земледелия А. А. Риттих относил к «нашей интеллигенции последних 50 лет» и «тех, кто стоял на верхах управления»⁶⁷, а министр путей сообщения Э. Б. Войновский-Кригер, формально происходивший из потомственных дворян, полагал, что по своему социальному положению принадлежит «к громадному большинству русской интеллигенции»⁶⁸.

Взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно и предопределялось обстоятельствами функционального порядка. В системе российской государственности начала XX в., при аморфности социальных страт и слабости связей между ними, царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией, а потому нуждался в компенсировании своей уникальности принципом не количества, а качества.

⁶² О превращении бюрократической элиты в «служилую интеллигенцию» см.: Кулаков С. В. Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в нач. XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. С.-Петербург 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996.

⁶³ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. 1934. Т. 21. С. 152.

⁶⁴ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 34–35.

⁶⁵ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 120.

⁶⁶ Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 386.

⁶⁷ А. А. Риттих — А. Н. Яхонтову. 15 июня 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 432.

⁶⁸ Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. Спраге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 9.

«Ни какому другому правительству, — подразумевая царское правительство, подчеркивал французский посол Ж. М. Палеолог в 1916 г., — не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант; дело в том, что вне царского строя, т. е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли»⁶⁹.

Впрочем, бюрократическая элита была весьма специфической частью интеллигентии, частью, выделявшейся на ментальном уровне четким отождествлением общего блага и государственного интереса. В совмещении этих идеалов сановники, в отличие от остальных интеллигентов, не видели никакого противоречия.

«Я, — вспоминал сенатор С. В. Завадский, — всегда думал, что работа чиновника — если он честен, прилежен и не глуп — не пустяки, а важное дело, существенно необходимое для России, при мало развитой самодеятельности ее общественных кругов»⁷⁰. Наблюдавшееся в начале XX в. вхождение бюрократической элиты в состав российской интеллигентии привело к появлению качественно нового типа сановника, в корне отличного от типов, преобладавших в XIX в. Как отмечала А. В. Тыркова, «жизнь брала свое и мало-помалу выработался новый тип чиновника, честного, преданного делу, не похожего на тех уродов дореформенной России, которых описывали Гоголь и Щедрин. Мы их оценили только тогда, когда революция разогнала и искоренила старый служилый класс»⁷¹.

Из-за принадлежности к интеллигентии к 1917 г. бюрократическая элита обеспечивала политическое господство интеллигентии. Согласно плану, составленному в июне 1916 г. графом А. А. Бобринским, И. Я. Гурляндом и Б. В. Штурмером, вершителями судеб тогдашнего правительственного курса, в будущей Думе предполагалось предоставить 50 мест — инородцам, 50–70 — представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 — крестьянам и священникам и целых 200 — именно «интеллигентии»⁷². Следовательно, еще одной причиной Февральской революции можно считать не вертикальную, а горизонтальную поляризацию, т. е. конфликт не между российской интеллигентией и царской бюрократией, а между разными слоями этой интеллигентии, которая покрывала собой все сегменты партийного спектра, с крайне правого до крайне левого, концентрируясь, однако, наиболее густо в либеральной нише.

7. Либералы во власти. Проблема политической неоднородности бюрократической элиты

Вхождение бюрократической элиты в интеллигентию усилило не только социальную, но и политическую неоднородность этой элиты, что заставляет обратить особое внимание на правительственный либерализм, тем более, что до сих пор бытует миф о сплошной консервативности высшей бюрократии. Между тем, еще Н. С. Тимашев указывал на то, что российская власть начала XX в., которая «с обеих сторон казалась единой, таковой не была». Оценивая степень консервативности бюрократии, он писал:

⁶⁹ Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 10.

⁷⁰ Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 8. С. 27.

⁷¹ Тыркова А. В. То, чего больше не будет... С. 240.

⁷² Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и др. документы / Под ред. В. П. Семенникова. М.; Л., 1927. С. 245.

«Революции неизменно идут сверху...»

«Благодаря либеральному тону преподавания в университетах, через которые, в большинстве, проходили ее высшие представители, постоянному общению с Западом и наблюдениям, накоплявшимся при службе “на местах”, в ее рядах оказывалось немало лиц, настроенных иначе, понимавших, что исторически сложившийся строй отходит в прошлое, и искренне желавших его обновления на путях реформ»⁷³.

Во всей своей значимости проблема правительенного либерализма была поставлена В. В. Леонтиевичем еще в 1957 г., в монографии, опубликованной по-немецки, а затем — по-русски, в 1980 г. — в Париже и в 1995 — в Москве⁷⁴. В последнее время проблема правительенного либерализма привлекала внимание как отечественных⁷⁵, так и зарубежных исследователей⁷⁶. Представляется, что в понятие «правительственный либерализм» необходимо вкладывать содержание, которое имел в виду Б. Н. Чичерин, когда, в дополнение к понятию «оппозиционного либерализма», более всего присущего общественному движению, он выдвинул понятие «либерализма охранительного» с его парадоксальным, на первый взгляд, лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Кроме того, поставленную проблему целесообразнее всего анализировать в контексте государственно-правового дискурса начала XX в.⁷⁷.

Правительственный либерализм, отмечал Б. Н. Чичерин, действует, «понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно»⁷⁸. «Охранительная партия», в которую, по мнению Б. Н. Чичерина, «всегда сомкнутся» «здравые элементы либерализма», когда «нужно упрочить завоеванные начала»⁷⁹, «дорожа свободою», «видит в ней не разлагающее, а созидающее начало; она старается ввести ее в надлежащую колею, связать ее с высшими требованиями власти и закона»⁸⁰.

Дух охранительства был сутью правительенного либерализма не только в XVIII и XIX вв., но и в XX в., а потому этот вид либерализма являлся консервативным уже по своему определению, в связи с чем общественный либерализм оценивается исследователями как более полноценный, чем правительственный⁸¹.

⁷³ Тимашев Н. С. Роль П. А. Столыпина в русской истории // Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 8.

⁷⁴ Леонтиевич В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.

⁷⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2; Куликов С. В. Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы (Мат. межд. конф.). СПб., 2001; Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004.

⁷⁶ Lieven D. Russia Rulers under the Old Regim. New Haven; London, 1989.

⁷⁷ См. о нем: Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004.

⁷⁸ Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 47.

⁷⁹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 699.

⁸⁰ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3: Политика. С. 507.

⁸¹ Об общественном либерализме см.: Essays on Russian Liberalism. Columbia, 1972; Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958; Galai Sh. The

Характерно, что тематика статей как русско-, так и иноязычных сборников, в которых подытоживается изучение российского либерализма, почти не касается правительственного либерализма начала XX в. Типичными представителями российского либерализма того периода традиционно считаются члены кадетской партии. Между тем, по признанию самих же кадетов, они являлись не либералами, а радикалами. В. А. Маклаков указывал на то, что кадеты являлись не либералами, а «типичными французскими радикал-социалистами»⁸². В памяти А. В. Тырковой лидер кадетов П. Н. Милюков запечатлся как «правоверный радикал»⁸³.

Более того, по сравнению со своими европейскими аналогами, кадеты, опять-таки по их собственному признанию, были самыми левыми. В октябре 1905 г. на Первом съезде Кадетской партии П. Н. Милюков отметил, что программа кадетов, «несомненно, является наиболее “левой” среди всех программ, выдвинутых подобными политическими группами Западной Европы»⁸⁴. Левизна кадетской партии, по мнению ее идеолога П. И. Новгородцева, проистекала из того, что она «сходится с социализмом»⁸⁵. Наиболее ярким доказательством этого стала приверженность кадетов тезису о принудительном отчуждении частной, прежде всего помещичьей, собственности, что противоречило классическому, «старому либерализму», согласно которому, земельная аристократия — один из краеугольных камней конституционной монархии, правового государства и многопартийной системы⁸⁶. Идейная близость Кадетской партии к социализму доходила до того, что, по мнению графа И. И. Толстого, разделявшего либеральные взгляды, она «была не только оппозиционная, но даже, несомненно, революционная»⁸⁷. Если кадеты и являлись либералами, то не типичными, а радикальными.

8. Лже-конституция или конституция? Основные государственные законы 1906 г. как критерий политической классификации

Радикализм кадетов обусловил неприятие ими консервативно-либеральных Основных государственных законов 1906 г., оформивших создание конституционно-дуалистической монархии, при которой наблюдается ограничение власти

Liberation Movement in Russia: 1900–1905. New York, 1973; Шацкло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; Шелохов В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Шелохов В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX в. СПб., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Мат. межд. науч. конф. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Мат. науч.-прак. конф. Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г. М., 2001.

⁸² В. А. Маклаков — И. И. Тхоржевскому. 27 марта 1936 г. // Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. С. 150.

⁸³ Тыркова А. В. То, чего больше не будет... С. 380.

⁸⁴ Карпович М. М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма... С. 398, 400.

⁸⁵ Новгородцев П. И. Идеалы Партии народной свободы и социализм // Опыт русского либерализма... С. 298.

⁸⁶ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: В 3-х ч. М., 1896. Ч. 2: Социология. С. 207; М., 1898. Ч. 3: Политика. С. 264, 413, 519; Герье В. И. О конституции и парламентаризме. М., 1906. С. 26.

⁸⁷ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 218.

«Революции неизменно идут сверху...»

монарха только в законодательстве, а потому он не только царствует, но и правит⁸⁸. В начале XX в. под «конституцией» большинство представителей русской интеллигенции подразумевали «парламентаризм»⁸⁹, т. е. народовластие, ограничение власти главы государства не только в законодательстве, но и в управлении (парламентаризм в узком смысле слова). Поскольку формально Основные законы такого ограничения не содержали, кадеты (учредив парламент, но не парламентаризм) не признавали их настоящей конституцией. Кадеты «и левее их стоящие, — вспоминал последний царский министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской, — считали, наперекор здравому смыслу, что у нас не было конституции и даже называли ее лжеконституцией». Однако, по мнению В. Н. Шаховского, соглашавшегося, в данном случае, с В. А. Маклаковым, статьи 4, 7, 9, 84 и 86 Основных законов «означают точно и ясно ограничение власти монарха и тем самым составляют несомненную конституцию. Другого толкования быть не могло, и оно никогда сомнения не вызывало»⁹⁰.

Основные законы, по мнению большинства дореволюционных государствоведов, в том числе и оппозиционных, были настоящей конституцией не только в формальном, но и материальном смысле, прежде всего потому, что юридически оформили преобразование абсолютной монархии в дуалистическую⁹¹. Между тем, либеральная мысль начала XX в. конституционной называла именно эту разновидность ограниченной монархии, отличая ее как от абсолютной, так и от парламентарной монархии.

«Конституционная монархия, — писал В. И. Герье, — представляет собой, как и парламентарная монархия, вполне законченный самостоятельный образ правления. Несмотря на все внешнее сходство между ними — в каждом из этих государств есть король и есть народное представительство — различие между конституционной монархией и парламентаризмом весьма существенно: в первом случае верховная власть и правительство находятся в руках государя, во втором случае она принадлежит парламенту»⁹².

Кадетской точки зрения на Основные законы 1906 г. придерживался М. Вебер, называя их «*Scheinkonstitution*». В современной историографии сторонником учения М. Вебера о псевдоконституционализме является А. Н. Медушевский, создавший на основе этого учения собственную концепцию истории российского либерализма⁹³. Согласно его выводу, российская монархия после революции 1905 г.

⁸⁸ Об Основных законах см.: *Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institution of the Duma Monarchy*. Brussels, 1976; *Куликов С. В. Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России нач. XX в.* // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат. всеросс. науч.-методол. семинара. СПб., 2004.

⁸⁹ *Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора* / Публ. С. В. Пронкина // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 120.

⁹⁰ *Шаховской В. Н. Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг.* // Русское возрождение. 1995–1996. Кн. 64–65. С. 132, 133–134. Ср.: Свод основных государственных законов // Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 15, 24.

⁹¹ *Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в.* // Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 288–289.

⁹² *Герье В. И. О конституции и парламентаризме.* С. 3–4.

⁹³ *Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе.* М., 1998.

была менее конституционной, чем японская монархия после революции Мэйдзи. Между тем, хотя немецкий мыслитель, как правило, чуждался привнесения в свои штудии духа партийности, его наблюдения об Основных законах 1906 г. принадлежат к той части веберянского наследия, которая все-таки испытала на себе влияние политической ангажированности.

Основные законы М. Вебер анализировал под углом кадетской точки зрения не только по той причине, что она была близка его мировоззрению, но и потому, что с лидерами кадетской партии М. Вебер контактировал именно в 1906 г., когда недовольство оппозиционеров октроированной конституцией достигло зенита. Между тем, октроированный характер Основных законов не противоречил консервативно-либеральному дискурсу.

«Если конституционная и парламентарная монархии, — подчеркивал В. И. Герье, — отличаются тем, что у них разные носители правительственной власти — король и парламент, то они различаются и по способу возникновения их конституций. Парламентарные монархии ведут свое начало от революций; в конституционных монархиях конституция исходит от законной традиционной власти, поэтому в конституционных монархиях власть монарха не подорвана, а ограничена учреждениями, введенными данной конституцией и предоставленными в ней этим учреждениям полномочиями. В конституционных монархиях конституция вытекает из королевской власти, в парламентарных — конституция иногда предшествует появлению монарха, и он из нее выводит свои полномочия»⁹⁴.

Сохранявшееся до самой Февральской революции негативное отношение кадетской партии к Основным законам не позволяет рассматривать ее членов как ортодоксальных либералов. Если они и принадлежали к либерализму, то только в качестве представителей так называемого «нового», «буржуазного» либерализма, стремившегося к синтезу ряда положений «старого», «дворянского» либерализма и социализма. Другая представительница общественного либерализма, Партия октябристов, также не отличалась ортодоксальной либеральностью. По вопросу о народовластии левые октябристы примыкали к кадетской партии. На проходившем 25–29 апреля 1906 г. совещании ЦК «Союза 17 октября» при баллотировке резолюции о введении парламентаризма голоса разделились поровну⁹⁵. Таким образом, в начале XX в. водораздел между «новым» и «старым» либерализмом проходил по октябризму.

В отличие от общественного либерализма, правительственный либерализм являлся цитаделью «старого» либерализма, идеалы которого разделяли широкие круги бюрократической элиты. Работы апостола «старого» либерализма Б. Н. Чичерина пользовались у сановников огромной популярностью. «“Политика”, — писал ему сенатор А. Ф. Кони в 1898 г., подразумевая столичное чиновничество, — читается здесь многими с великим сочувствием»⁹⁶. А. Ф. Кони отнюдь не льстил маститому мыслителю. В компилятивном сборнике, подготовленном Государственной канцелярией для нужд бюрократического реформаторства 1905–1906 гг., цитаты из

⁹⁴ Герье В. И. О конституции и парламентаризме. С. 6–7.

⁹⁵ Резолюция совещания ЦК с октябристами, членами Думы и Госсовета и представителями местных отделов «Союза», проходившего в Петербурге 25–29 апреля 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК / Публ. Д. Б. Павлова. М., 1996. Т. 1: 1905–1907 гг. С. 191.

⁹⁶ А. Ф. Кони — Б. Н. Чичерину. 15 ноября 1898 г. // Кони А. Ф. Собр. Сочинений: В 8-и т. М., 1969. Т. 8: Письма. С. 145.

«Революции неизменно идут сверху...»

работ Б. Н. Чичерина, по сравнению с остальными правоведами, занимали самое большое место⁹⁷. Политическая философия Б. Н. Чичерина стала родственной коллективному сознанию бюрократической элиты своим антисоциалистическим пафосом. Он отличал и взгляды сановников, обвинявших адептов социализма в том, что те, как писал член Государственного совета В. К. Саблер, «в погоне за осуществлением личного равенства, забыли о свободе»⁹⁸. Характерно, что этот упрек принадлежал не кадетскому функционеру, а члену правой группы верхней палаты.

9. Бюрократическая элита и крайне правые. Амбивалентность уваровской триады

Столь же непопулярной, как и социалистическая идеология, была среди представителей бюрократической элиты и консервативная идеология, выражавшаяся лидерами крайне правых, черносотенцев⁹⁹. Прохладное отношение к ним со стороны сановников объяснялось, помимо прочего, позицией Николая II, который, согласно распространенному мифу, являлся искренним черносотенцем. Казалось бы, это мнение подтверждается тем, что в 1905–1906 гг. царь неоднократно встречался с черносотенными депутатами, принял от одной из них значок только что образовавшегося «Союза русского народа», посыпал телеграммы крайне правым и одобрял антиеврейские погромы. На самом деле все эти аргументы несостоятельны.

Николай II встречался с представителями не только черносотенных, но и либеральных организаций. Кроме того, приемы депутатов продолжались до марта 1906 г., а затем прекратились¹⁰⁰. Принятие Николаем II значка СРН, будучи ни к чему не обязывающим актом вежливости, имело чисто ритуальное значение, так как свои значки монарху преподносили многие другие организации¹⁰¹. Телеграммы черносотенцам Николай II посыпал не по своей инициативе, а лишь в ответ на их приветственные телеграммы. Поскольку аналогичные телеграммы адресовывали царю и представители других партий, вплоть до октябристов, он отвечал и на них. Наконец, император неоднократно и публично осуждал погромную тактику и приказывал местной администрации не

⁹⁷ Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Б. м, б. г. С. 5.

⁹⁸ Саблер В. К. О мирной борьбе с социализмом: В 2-х т. Сергиев Посад, 1911. Т. 2. С. 40–41.

⁹⁹ О черносотенцах см.: Ганелин Р. Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки: В 3-х ч. СПб., 1992. Ч. 1; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. Об идеологии российского консерватизма начала XX в. см.: Лукьянин М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.

¹⁰⁰ Теляковский В. А. Воспоминания. 1898–1917. [С]Пб., 1924. С. 301; Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 379; Мосолов А. А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 51.

¹⁰¹ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголова. Л., 1925. Т. 4. С. 260; Родзянко М. В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 58; Павлов Н. А. Его величество государь Николай II. СПб., 2003. С. 96.

допускать погромов¹⁰². Ответная телеграмма Николая II А. И. Дубровину, посланная 4 июня 1907 г. после роспуска 2-й Думы, не означала того, что царь одобряет антисемитские акции, поскольку в ней СРН призывался служить «для всех и во всем примером законности и порядка»¹⁰³. Таким образом, император еще раз указал на недопустимость погромной агитации.

Несомненное отсутствие близости между Николаем II и черносотенцами доказывается совершенно бесспорно личным составом придворного штата. В 1905–1907 гг. царь исключил из него общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к радикальному движению и нелегализованной Кадетской партии¹⁰⁴. В то же время, в течение 1906–1917 гг. придворные, которые были лидерами либеральных партий, т. е. прогрессисты, октябристы и националисты, составляли заметную прослойку, особенно по сравнению с придворными, являвшимися руководителями СРН. Последние составляли ничтожное меньшинство. Следовательно, особые симпатии Николая II к черносотенцам являются не чем иным, как мифом. Он появился не только по причине элементарной неосведомленности, но и потому, что консервативность императора и влияние на него крайне правых постоянно преувеличивали опальные сановники, вроде С. Ю. Витте, и участники оппозиционного движения. Первые делали это для оправдания своих неудач, а вторые — для дискредитирования политического противника.

Казалось бы, сановников во главе с Николаем II и черносотенцев объединяло то, что они защищали идеалы «православия, самодержавия и народности». Но к началу XX в. семантика пресловутой триады были весьма растяжимой. В 1907 г. октябрист граф Д. А. Олсуфьев резонно заметил, что «в эти слова можно влагать самое неопределенное понятие»¹⁰⁵. Семантическая расплывчатость уваровской триады приводила к тому, что ее использовали, трактуя по-своему, не только консерваторы, но и либералы. Представители черносотенного движения и бюрократической элиты шли в разные стороны, поскольку последних от первых отличала высочайшая степень вестернизированности. По наблюдениям И. И. Тхоржевского, в начале XX в. круги высшей бюрократии являлись «наиболее европейскими из всего, что было тогда в России»¹⁰⁶. С. В. Завадский в качестве «особенности русской государственной мысли» указывал на апелляцию сановников к европейскому опыту, причем «вовсе не из лицемерного желания прикрыть неприглядность своих поползновений, а вследствие какой-то наивной веры в достоинство всего европейского»¹⁰⁷.

Вестернизированность бюрократической элиты предопределила приверженность ее представителей тезису о совместимости либерализма и самодержавия.

¹⁰² Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 64, 73–74; Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 129; Мемория о мерах по предупреждению еврейских погромов. 24 февраля 1906 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Док. и мат. / Под ред. Р. Ш. Ганелина. Л., 1990. С. 280; Павлов Н. А. Его величество государь Николай II. С. 80.

¹⁰³ Николай II — А. И. Дубровину. 4 июня 1907 г. // Правые партии. Док. и мат. / Сост. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1. С. 341.

¹⁰⁴ Куликов С. В. Высшая царская бюрократия и императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. 1999. Вып. 11. С. 75.

¹⁰⁵ Журнал заседания 28 марта 1907 г. Третьего съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство... С. 338.

¹⁰⁶ Тхоржевский И. И. Последний Петербург ... С. 31.

¹⁰⁷ Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 11. С. 25.

«Революции неизменно идут сверху...»

С. Е. Крыжановский, автор основных реформаторских актов начала XX в., считал, что «правовой строй» «вполне совместим с самодержавием»¹⁰⁸. Эта точка зрения соответствовала консервативно-либеральному дискурсу. Б. Н. Чичерин писал о том, что российская история «доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»¹⁰⁹. В. И. Герье трактовал российскую монархию как первую предпосылку создания в ней правового государства.

«По мере того, как общество дифференцируется, т. е. разлагается на различные классы и партии с различными интересами, — писал он, — на монархию выпадает новая роль — блюсти среди них общий интерес, интерес государства. Будучи наследственной властью, монархия является лучшей блюстительницей исторического права, без которого не может обойтись правовое государство. Эти общие свойства монархии должны быть особенно понятны в России: никакое иное государство не имело такого явственного монархического начала»¹¹⁰.

Противоречивший либерализму антисемитизм черносотенцев большинству сановников попросту претил. П. Л. Барк, отмечая, что «в кругах бюрократии» он «не видел неприязненного отношения» к евреям, писал: «Конечно, были единичные лица, не питавшие к ним симпатии, но общего враждебного чувства не было»¹¹¹. Открытые сторонники черносотенцев на верхах иерархии власти составляли исключение. К 1917 г. среди 139 членов Государственного совета по назначению и 313 сенаторов членами Главных советов марковского и дубровинского Союзов русского народа были, соответственно, только два сановника — А. А. Римский-Корсаков и А. И. Соболевский¹¹².

Широкого сочувствия крайне правым со стороны сановников не замечали сами черносотенцы. В сентябре 1905 г. Л. А. Тихомиров отмечал, что у В. А. Грингмута людей «много, может быть и тысячи, но все мелкие люди»¹¹³. Через десять лет ситуация нисколько не изменилась. Как сообщал К. Н. Пасхалов Н. А. Маклакову в октябре 1915 г., черносотенцами были «чинуши не выше надворного». Следовательно, наличие черносотенцев К. Н. Пасхалов отрицал не только среди высшего (чины 1 — 4 классов), но и среди части среднего чиновничества (чины 5—8 классов), поскольку чин надворного советника относился к 7-му классу¹¹⁴. Это признание ценно тем более, что не предназначалось к огласке.

10. Деньги на контрреволюцию.

Финансовые аспекты отношений бюрократической элиты и крайне правых

Низкую степень сочувствия бюрократической элиты черносотенному движению доказывал низкий размер казенных субсидий, отпусковавшихся его лидерам. В этой связи необходимо прежде всего отметить, что лично Николай II, как и его

¹⁰⁸ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 120.

¹⁰⁹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XVI—XVII.

¹¹⁰ Герье В. И. О конституции и парламентаризме. С. 7.

¹¹¹ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 172. С. 98.

¹¹² Куликов С. В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 29—37.

¹¹³ Тихомиров Л. А. 25 лет назад (Из дневника) / Публ. В. В. Максакова // Красный архив. 1930. Т. 40. С. 60.

¹¹⁴ Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. 1993. Вып. 14. С. 169.

супруга, крайне правые организации не финансирували¹¹⁵. Факт отпуска субсидий черносотенным изданиям по линии МВД говорил не о тождественности взглядов сановников и черносотенцев, а об ее отсутствии. Считая взгляды крайне правых неприемлемыми, представители бюрократической элиты хотели добиться при помощи подкупа эволюции лидеров черносотенного движения в сторону умеренности. Когда этого не происходило, субсидии прекращались.

Первоначально председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин выдавал деньги председателю «Союза русского народа» А. И. Дубровину, издававшему газету «Русское знамя», которая, тем не менее, критиковала премьера за либерализм. Летом 1907 г. П. А. Столыпин распорядился о выдаче А. И. Дубровину 25 000 рублей при условии прекращения на страницах «Русского знамени» критики правительства. Однако на следующий день именно в этой газете появилась очередная антистолыпинская статья, после чего денег А. И. Дубровину больше не выдавали¹¹⁶. Тем не менее, А. Я. Аврех писал: «Единственный, кто действительно перестал получать субсидии, был Дубровин, но это явилось исключительно результатом его плохих взаимоотношений с «союзными» главарями»¹¹⁷. Однако дело было в «плохих отношениях» именно с правительством, а не с «главарями».

Вслед за А. И. Дубровиным деньги на поддержку крайне правых изданий получал более умеренный, по сравнению с ним, Н. Е. Марков 2-й, которому выдавали 10–12 000 рублей в месяц. Но на фоне суммы, полученной «рептилиями» с октября 1906 г. по март 1911 г. и равнявшейся 3 168 000 рублей, субсидия крайне правым была сравнительно невелика. Правительство отпускало средства не только крайне правым, но и консервативным либералам — националистам и октябристам, отдавая предпочтение изданиям не крайне правого, а «среднего» и «умеренно-правого» толка¹¹⁸. Более того, в течение 1905–1907 гг. правительство отпустило оппозиционной Общеземской организации, возглавляемой князем Г. Е. Львовым, 5 600 000 рублей¹¹⁹, которые в несколько раз превышают сумму всех субсидий, получаемых черносотенцами. Вопреки этому факту, А. Я. Аврех писал, что «царь и правительство не жалели на черносотенцев денег»¹²⁰. Более взвешенную оценку взаимоотношений правительства и черносотенцев дали Р. Ш. Ганелин и М. Ф. Флоринский. «Многие администраторы в столице и в провинции, — подчеркивали они, — относились к выступлениям «неумеренно правых» скептически и настороженно, особенно это относилось к их общеполитическим лозунгам и требованиям как несовместимым с правильно понимаемыми государственными интересами. Было бы неправильно поэтому искать в правительской политике непосредственные отклики на призывы, раздававшиеся из этой среды»¹²¹.

¹¹⁵ Мосолов А. А. При Дворе последнего императора. С. 50–51.

¹¹⁶ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 156.

¹¹⁷ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 224.

¹¹⁸ Допрос С. Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 408, 412, 413; Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. г. С. 152.

¹¹⁹ Полнер Т. И. Жизненный путь князя Г. Е. Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С. 193, 194.

¹²⁰ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. С. 224.

¹²¹ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 27.

«Революции неизменно идут сверху...»

Бюрократов и черносотенцев объединял общий враг — революция, но разделяли совершенно разные стратегические цели: первые выступали за постепенную модернизацию, учитываяющую национально-исторические особенности России, а вторые — за сохранение этих особенностей в ущерб модернизации. «Седалище современной реакции, — справедливо подчеркивал П. Б. Струве в начале 1914 г., — находится вне бюрократии»¹²². Неслучайно поэтому, что после революции 1905–1907 гг., когда проблема борьбы с ней была решена, бюрократическая элита свернула деятельность черносотенцев до минимума. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, не заинтересованная в преуменьшении реакционности его предшественника, констатировала, что период после 1907 г. — это «время постепенного упадка» крайне правых партий, поскольку царское правительство «только терпит их, помня о деятельности их в годы революции»¹²³.

11. Между Сциллой и Харибдой.

Центрлизм как идеология бюрократической элиты

Представители бюрократической элиты дистанцировались и от правых, черносотенцев, и от левых, кадетов. В декабре 1905 г. вице-председатель Государственного совета Э. В. Фриш говорил о том, что «реакционная партия» столь же «преступна», как и «революционная»¹²⁴. Характеризуя газету, которую он собирался издавать, граф А. А. Бобринский, сенатор и в то же время лидер правых в III Думе, в ноябре 1908 г. писал, что «она — умеренная, не черносотенная и не кадетская»¹²⁵. Следовательно, сами сановники считали себя умеренно правыми или консервативными либералами.

Консервативно-либеральный характер идеологии бюрократической элиты обеспечил ей и правительству либерализму центральное место в общеимперском легальном политическом спектре 1906–1917 гг., что признавали и бюрократы, и оппозиционеры. «Я, — признавался С. Е. Крыжановский, — всю жизнь занимал центральное положение человека умеренного, убежденного в необходимости органического, постепенного развития государственной жизни. Меня одинаково недолюбливали как “Граждан” и “Русское знамя”, так и “Речь”»¹²⁶. М. М. Ковалевский в сентябре 1914 г. подчеркивал, что царское правительство «остается правительством центра»¹²⁷. Показательна также статистика назначенных членов Государственного совета, определявшихся к присутствию в нем в 1906–1917 гг., когда он являлся верхней палатой и имел внутри себя политические группы.

Из 202 человек 108 входили в правую группу, в которой преобладали умеренно правые, 9 — в группу правого центра, оплот партии националистов, 52 — в группу центра, где главенствовали октябристы, один — в группу левых, ориентированную на кадетов и прогрессистов, а 12 и 20 — в кружок внепартийного объединения и прослойку внепартийных, причем КВО и прослойка тяготели к центру

¹²² Струве П. Б. Оздоровление власти // Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 395.

¹²³ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии... С. 20.

¹²⁴ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права / Публ. В. В. Водовозова // Былое. 1917. № 3 (25). С. 249.

¹²⁵ Куликов С. В. Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы (Мат. межд. конф.). СПб., 2001. С. 100.

¹²⁶ Допрос С. Е. Крыжановского... С. 436.

¹²⁷ Ковалевский М. М. Воспоминания. С. 87.

и левым¹²⁸. Таким образом, политический спектр, охватывавший назначенных членов Государственного совета, этот цвет бюрократической элиты, оказывается достаточно широким — от черносотенцев до кадетов. Вопреки традиционному взгляду, согласно которому общественное движение в последние годы старого порядка левело по причине правления власти, она пребывала в центре.

Левение общественного движения обуславливалось его внутренней, идейной неустойчивостью, а не правлением власти. Полевевшим общественным деятелям сановники, остававшиеся в центре, казались ортодоксальными консерваторами, что хорошо видно на примере А. А. Нарышкина, лидера правой группы Государственного совета и Объединенного дворянства. В 1880–1890-е гг. он «имел репутацию либерала». В 1905 г. А. А. Нарышкин был «правых убеждений, но вовсе не ретроградных». После революции он, «николько не меняя» своих либеральных убеждений, приобрел репутацию столпа реакции¹²⁹. Подобная метаморфоза связана с тем, что во время революции политический спектр передвинулся влево, в результате чего центр оказался справа. Но это не означало того, что находившиеся в центре консервативные либералы стали ортодоксальными консерваторами.

Доминирование внутри бюрократической элиты не черносотенцев, а либералов конфликт между ними делало менее значимым, чем конфликт между двумя идеологическими течениями правительенного либерализма. Критерием различия этих течений необходимо признать отношение их представителей к двум формам ограничения власти монарха, ключевого элемента думской монархии.

12. «Новые» либералы — парламентаристы

Тех бюрократов, которые принадлежали к левому, радикальному крылу правительенного либерализма и, безотносительно к мотивации проводившейся ими точки зрения, выступали за введение парламентаризма, т. е. ограничение монарха как в законодательстве, так и в управлении, целесообразно именовать *парламентаристами*, тем более, что этот термин употреблялся в начале XX в. На заседании Совета министров 11 февраля 1905 г. министр юстиции С. С. Манухин заявил, имея в виду противников и сторонников создания парламента, от которого зависело бы правительство, что среди «русских людей» «парламентаристов» «отнюдь не большинство», и «миллионы против подчиненного правительства»¹³⁰. Политические взгляды парламентаристов соотносятся с идеологическими установками кадетов, прогрессистов и левых октябристов, являвшихся поклонниками «нового», «буржуазного» либерализма.

Трактуя Основные законы расширительно, парламентаристы не просто признавали факт ограничения самодержавия этими законами по их букве и духу только в законодательстве, но и видели в них акт, ограничивший власть императора и в управлении. Организация власти, предусмотренная Основными законами, подчеркивал министр иностранных дел А. П. Извольский, «давала России полную

¹²⁸ Куликов С. В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1997. Вып. 9. С. 19–22; Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). Вятка, 1999. С. 250–278.

¹²⁹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 222, 379; Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 238.

¹³⁰ Ганелин Р. Ш. Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 303.

«Революции неизменно идут сверху...»

конституционную систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, являлась, тем не менее, решительным шагом вперед»¹³¹. Противоречие между мнением об ограничении царской власти и применением по отношению к ней прилагательного «самодержавная» парламентаристы разрешали весьма просто. Они трактовали это прилагательное как титул, не имеющий никакого материального наполнения. По мнению автора одного из проектов Основных законов, директора Александровского лицея А. П. Саломона, прилагательное «самодержавная» указывало «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее»¹³².

Подтверждение тому, что прилагательное «самодержавная» не связано с неограниченностью явления, которое оно характеризовало, парламентаристы находили в российской истории допетровского периода. Поскольку тогда, считали парламентаристы вместе с историком С. А. Князьевым, самодержавная власть «ограничения не избегала», то после Манифеста 17 октября 1905 г. власть эта, «поставив себе новые пределы, права называться самодержавной не теряет»¹³³. Всего лишь титул парламентаристы видели и в слове «самодержец». Обосновывая нежелательность его устраниния из действовавшего законодательства, А. П. Саломон подчеркивал, что это слово должно быть сохранено как «неотъемлемая принадлежность императорского титула»¹³⁴. Понятие «самодержавие» парламентаристы трактовали двояко. С одной стороны — как суверенитет, «независимость государя и государства», а с другой — как «самостоятельность монарха, властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране»¹³⁵. Данная точка зрения юридической неограниченности за самодержавием не признавала однозначно.

13. «Старые» либералы -дуалисты

Другое мнение о самодержавии имели *дуалисты*, т. е. те сановники, которые, составляя правое, консервативное крыло правительственного либерализма, защищали принципы конституционно-дуалистической системы, провозглашенные Основными законами 1906 г. и подразумевавшие ограничение монарха лишь в законодательстве. Правомерность употребления термина «дуалисты» объясняется тем, что в дуализме либеральные мыслители видели суть конституционной монархии. Как отмечал В. И. Герье, «конституционная монархия не есть чистая монархия: с конституцией в нее вошел принцип дуализма — раздвоение власти между наследственным представителем государственной воли и основанным на избрании народным представительством»¹³⁶. Термин «дуализм» использовался оппозиционными государствоведами для наименования особой формы правления, отличной как от парламентаризма, так и от абсолютизма¹³⁷. Политические взгляды дуалистов соотносимы с идеологическими установками правых октябрьистов, националистов и умеренно-правых, являвшихся сторонниками «старого», «дворянского» либерализма.

К дуалистам был близок Николай II, испытавший на себе влияние идей своего любимого учителя — председателя Комитета министров Н. Х. Бунге. Его завещание, содержавшее программу умеренно-либеральных реформ, составило основу

¹³¹ Извольский А. П. Воспоминания. М., 1991. С. 22.

¹³² Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 111.

¹³³ Князьев С. А. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. С. 37.

¹³⁴ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов... С. 111.

¹³⁵ Князьев С. А. Самодержавие в его исконном смысле. С. 37.

¹³⁶ Герье В. И. О конституции и парламентаризме. С. 3.

¹³⁷ Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918. С. V, VIII, 415–419.

реформаторского проекта царя¹³⁸. Политика Николая II, вдохновляемая идеями Н. Х. Бунге, имела системный характер. Это подтвердили Указ 12 декабря 1904 г. и последующие реформы. Внешне они выглядели как ответы на требования оппозиции. В действительности Указ оказался торжеством не общественного, а правительственно-либерализма, поскольку стал «полным осуществлением» завещания Н. Х. Бунге¹³⁹. Кроме завещания, источниками реформаторского проекта Николая II были программы преобразований, которые по заказу царя разработали министры внутренних дел В. К. Плеве, князь П. Д. Святополк-Мирский и П. А. Столыпин¹⁴⁰.

В отличие от парламентариев, дуалисты понимали под реформированным «самодержавием» неограниченность императорской власти, но не вообще, а только в управлении, признавая тем самым ограничение ее в законодательстве. В апреле 1906 г., характеризуя компетенцию народного представительства, член Государственного совета граф К. И. Пален заявил: «Надо надеяться, что с учреждением Думы министры не будут назначаться и увольняться по желанию ее большинства. Ведь его величество король датский 30 лет держал министерство, находившееся в оппозиции с парламентом. То же самое было и в Пруссии. Я надеюсь, что у нас никогда не будет того, что делается во Франции»¹⁴¹. К. И. Пален, выступая против парламентаризма, характерного для Франции, проводил начала конституционно-дуалистической системы, при которой власть главы государства не ограничена палатами в управлении, что имело место в Дании и Пруссии. Четкое отождествление строя, созданного в 1906 г., с конституционно-дуалистической системой было характерно для всех наиболее видных сановников. Основные законы, подчеркивал граф С. Ю. Витте, «установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма»¹⁴².

Дуалисты признавали права Думы только в законодательстве и выступали против как формального, так и фактического распространения ее компетенции и на управление. Выступая в Государственном совете 13 июня 1908 г., П. А. Столыпин отметил, что «в парламентарных странах правительство ответственно перед парламентом, у нас в России, по Основным законам, правительство ответственно перед монархом». Подразумевая «губительность» парламентаризма и «перемены каждые 2–3 месяца в России правительства вследствие неблагоприятного для него вотума законодательных палат», П. А. Столыпин выразил уверенность, что «опаснее всего был бы бессознательный переход к этому порядку, бесшумный, незаметный переход к нему путем создания прецедентов»¹⁴³. Дуалисты полагали, что Основные законы 1906 г. «провели определенную

¹³⁸ 1890–1894 гг. — «Загробные заметки» Н. Х. Бунге // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вт. пол. XIX в.) / Сост. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999.

¹³⁹ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 195. Л. 83. Об указе 12 декабря 1904 г. и провозглашенных им реформах см.: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 5–59.

¹⁴⁰ Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 57; Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. / Публ. В. Л. Степанова // Река времен. 1996. Кн. 5; Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. М., 2002.

¹⁴¹ Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / Публ. В. В. Водовозова // Былое. 1917. № 4. С. 221.

¹⁴² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 306.

¹⁴³ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 173–174.

«Революции неизменно идут сверху...»

грань между сферой применения власти законодательной и власти исполнительной, и грань эту надлежит строго соблюдать», поскольку «представители исполнительной власти ни в каком отношении не подчинены законодательным учреждениям». Парламентаристы же исходили из того, что «теоретическое начало раздельности государственных властей» «при практическом осуществлении» «нигде не могло получить вполне последовательного и безусловного применения»¹⁴⁴.

Следовательно, дуалисты были фанатиками основополагающего принципа классического либерализма, принципа разделения властей, в чем и заключался корень их разногласий с парламентаристами. В исторической перспективе расхождение между дуалистами и парламентаристами базировалось на выявившемся еще в XVIII в., в концепциях Ш. Л. Монтескье и Ж. Ж. Руссо, различном понимании роли народного представительства в государственной жизни. Если первый полагал, что общая воля выражается совокупностью высших органов (в том числе и монархом), то второй выразителя общей воли видел только в народном представительстве. Однако при воплощении концепции Ж. Ж. Руссо «сам принцип разделения власти, — по мнению В. В. Леонтовича, — теряет почти все свое значение», поэтому эта концепция — «радикальная, полностью противоречащая либерализму»¹⁴⁵. Таким образом, правительственный либерализм начала XX в., дуалистический по своей сути, был более либеральным, чем общественный либерализм.

14. «Священное единение» 1914 г.

Финансовый аспект союза бюрократической элиты и общественной контрэлиты

Воздействие правительственного либерализма на внутриполитическую ситуацию Российской империи достигло своего апогея в годы Первой мировой войны¹⁴⁶. Возникшее в начале ее «священное единение» власти и оппозиции детерминировало последующие взаимоотношения бюрократической элиты с общественной контрэлитой. Конкретное выражение «священное единение» нашло в поддержке Совета министров большинством Думы на ее заседании 26 июля 1914 г. Консолидация власти и оппозиции привела к углублению союза бюрократической элиты с общественной контрэлитой, вызванного переориентацией лояльности сановников с особы монарха на народное представительство, и политическому перерождению высшей бюрократии, в связи с окончанием процесса ее социальной эволюции, в результате чего к 1917 г. бюрократическая элита стала «служилой интеллигенцией», а значит — и частью российской интеллигенции.

Взаимоотношения высшей бюрократии и народного представительства предопределялись как углублением союза между ними, так и взглядами парламентаристов и дуалистов. Парламентаристы, возглавляемые главноуправляющим землеустройством

¹⁴⁴ Особый журнал Совета министров 13 января 1909 г. «По проекту МВД о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний, с образованием из них особой Холмской губернии» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. / Публ. Б. Д. Гальпериной, В. В. Шелохаева. М., 2000. С. 37; Особый журнал Совета министров 26 января 1910 г. «Об изменении порядка направления дел о новых железных дорогах и рассмотрения вопросов, вытекающих из уставов железнодорожных обществ» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. / Публ. Б. Д. Гальпериной, В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 62.

¹⁴⁵ Леонтович В. В. История либерализма в России. С. 14–15, 16.

¹⁴⁶ Здесь и далее развиваются положения, содержащиеся в монографии: Кулаков С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

и земледелием и фактическим премьером А. В. Кривошеиным, расценили «священное единение» в качестве предпосылки для парламентаризации верховного управления, конечной целью которой должно было стать установление парламентаризма если не де-юре, то де-факто. Дуалисты, и прежде всего — Николай II и председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, осуществление курса на «священное единение» видели возможным единственно в рамках дуалистической системы.

В ходе войны парламентаристы, при поддержке военной элиты в лице верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и его сотрудников, обеспечивая массовую базу своей политике, способствовали созданию и функционированию Всероссийских Земского и Городского союзов помощи больным и раненым воинам (июль—август 1914 г.), Объединенного комитета этих союзов (Земгора) (июнь 1915 г.) и Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), венчавшего систему местных военно-промышленных комитетов (июнь 1915 г.). Руководители всех этих организаций, формально занимавшихся благотворительной деятельностью (Земский и Городской союзы) и мобилизацией промышленности (Земгор и ЦВПК), принадлежали к общественной контролю, а подчиненные им служащие — к революционной контролю. Политическую солидарность парламентаристов с оппозионерами, возглавившими новые общественные организации, продемонстрировала массированная финансовая поддержка, полученная ими от казны. С августа 1914 до сентября 1916 г. Земский и Городской союзы получили через Совет министров 553 459 829 рублей, оставив позади Российское общество Красного Креста и другие благотворительные организации, в том числе националистов и крайне правых. Общие размеры казенных субсидий Земскому союзу за 38 месяцев войны насчитывали не менее 1,5–2 миллиардов рублей. Общественные пожертвования союзам составляли с августа 1914 по сентябрь 1916 г. только 9 650 986 рублей 74 копейки. Военно-промышленные комитеты в 1915–1917 гг. получили от казны 170 000 000 рублей¹⁴⁷.

Благодаря щедрому финансовому покровительству, которое правительство оказывало союзам и комитетам, они являлись исключительно государственными, а не общественными организациями, числясь таковыми только по названию. Политика «священного единения» власти с оппозицией, найдя свое воплощение в системе новых организаций, вела к высвобождению общественной инициативы. Она развивалась не столько согласно внутренней логике, сколько в силу воздействия на общество со стороны бюрократической элиты, выступавшей, как это бывало и ранее, в роли некоего демиурга. В аналогичной роли высшая бюрократия выступила и в начале 1915 г., когда А. В. Кривошеин и его единомышленники перешли к подготовке введения парламентаризма, содействуя либерализации личного состава Совета министров и формированию законодательного большинства леволиберального толка¹⁴⁸.

Радикальность уступок оппозиции, на которые пошли лидеры правительенного либерализма, не позволяет оценивать эти уступки только как последствие вынужденного признания сановниками необходимости для ведения войны сотрудничества с обществом. Один и тот же аргумент — указание на войну — использовали в политической риторике самые разные силы для оправдания совершенно

¹⁴⁷ Протопопов А. Д. Предсмертная записка. Август 1918 г. // Искендеров А. А. Закат империи. М., 2001. С. 557; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 447–456.

¹⁴⁸ Подробнее об этом см.: Куликов С. В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России 2-й пол. XIX — нач. XX в. Кишинев; СПб., 2000.

«Революции неизменно идут сверху...»

противоположных целей: и либералы, призывавшие расширить права Думы, и консерваторы, требовавшие ее закрытия. Уступки бюрократической элиты общественной контролю были обусловлены и причиной более глубокого, ментального, порядка: тем, что сановников и оппозиционеров соединяло нечто общее, а именно — приверженность основополагающим ценностям либеральной идеологии. Приверженность эта приводила к тому, что общественный либерализм оказывался лишь оборотной стороной либерализма правительенного. Впрочем, как и наоборот — именно поэтому появление в августе 1915 г. законодательного большинства в виде Прогрессивного блока, сопровождаемое вступлением императора в верховное главнокомандование, предопределило возрастание политической поляризации внутри бюрократической элиты.

**15. Прогрессивный блок, парламентаристы и дуалисты.
Политическая поляризация бюрократической элиты**

Парламентаристы выступали за соглашение с Блоком на его условиях, которые подразумевали фактическое введение парламентаризма путем образования «министерства общественного доверия». В конкретном контексте политической ситуации 1915 г. лозунг о «министерстве доверия» имел не только оппозиционный, но и революционный характер¹⁴⁹. Именно поэтому дуалисты, в том числе Николай II, также выступали за соглашение с Блоком, но находили, что оно должно базироваться на Основных законах, т. е. на сохранении дуалистической системы.

Политическая поляризация, захватившая бюрократическую элиту, привела к обострению борьбы между парламентаристами и дуалистами в Совете министров и Государственном совете. Филиалом оппозиции в кабинете являлась так называемая прогрессивная группа, члены которой идентифицировали себя не столько с правительством, сколько с Прогрессивным блоком. Членами группы с августа 1915 по февраль 1917 г. были 17, а ее оппонентами — 14 министров. На фоне общей численности сановников, являвшихся членами Совета министров в августе 1915 — феврале 1917 г., парламентаристы составляли более половины. Функционирование группы стало предпосылкой того, что в августе 1915 — феврале 1917 г. взаимоотношения правительства и Думы в большей степени соответствовали не дуалистической, а парламентарной системе. Многочисленных сторонников Прогрессивный блок имел не только в Совете министров, но и в назначенней части Государственного совета, благодаря чему законодательный процесс накануне Февральского переворота фактически протекал не в двух-, а в однопалатном режиме.

Сознательно культивировавшееся Николаем II доминирование прогрессивной группы в кабинете, как и сохранение им за большинством сторонников Прогрессивного блока статуса присутствующих членов верхней палаты, свидетельствовало о наличии у царя стремления к соглашению с оппозицией. Поскольку, однако, Николай II хотел достигнуть этого в рамках Основных законов, не предусматривавших функционирования парламентарной системы, введение которой было целью Прогрессивного блока, политика царя по отношению к Блоку лишь усиливала настойчивость оппозиционеров. Не встречая однозначного отпора своим вожделениям, они надеялись на то, что еще совсем немного — и дарование властью «министерства доверия» станет явью.

¹⁴⁹ В связи с этим см.: Куликов С. В. «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: государственно-правовые аспекты политической борьбы в предреволюционной России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Мат. IV межд. науч.-теор. конф. СПб., 2004.

Нестор № 9

Разочарование вождей Блока уступками, делавшимися Николаем II исключительно в духе Основных законов, отбрасывало их налево, одновременно способствуя поляризации внутри бюрократической элиты. Впрочем, из-за того, что парламентаристы и дуалисты были представителями двух течений внутри одного феномена, правительенного либерализма, их противостояние не могло оказаться и, в конце концов, не стало необратимым. Наоборот, на протяжении конца 1915–1916 г. дуалисты, политическая тактика которых отличалась прагматизмом, при воплощении курса на «священное единение» подпадали под влияние парламентаристской трактовки упомянутого курса. Особенно рельефно это сказалось на политике, проводившейся такими умеренными дуалистами, как министр внутренних дел А. Н. Хвостов и председатель Совета министров Б. В. Штюрмер¹⁵⁰. Полевение дуалистов обуславливалось и безусловной поддержкой, которую оказывала парламентаристам и общественной контрэлите военная элита во главе с начальником Штаба верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым.

Итогом углубления союза бюрократической элиты и общественной контрэлиты стало то, что в 1915–1917 гг. логику правительенного курса предопределяла программа Прогрессивного блока. В порядке управления и законодательства Николай II и Совет министров, при поддержке назначенных членов Государственного совета, полностью или частично выполнили большинство пунктов программы. Наиболее важные преобразования, совершенные властью в соответствии с пожеланиями оппозиции, составили внушительный список: установление трезвости, ликвидация немецкого землевладения с целью льготного наделения землей крестьян, отличившихся на войне, частичная политическая амнистия, разработка конституции автономной Польши, снятие правовых ограничений с поляков, отмена процентной нормы для евреев, поступающих в вузы и в адвокаты, и черты еврейской оседлости, улучшение материального положения почтово-телефрафных служащих, упразднение административной гарантии, подоходный налог, реформа Сената, Устав ревизии. Пожеланиям оппозиции соответствовало образование Особых совещаний по беженцам, обороне, перевозкам, продовольствию и топливу и Финансово-экономической комиссии.

Наконец, именно ради компромисса с Прогрессивным блоком власть инициировала подготовку законопроектов о крестьянском равноправии, создании волостного земства, демократизации Городового и Земского положений, распространении земских учреждений, кооперативных организациях, реформе средней школы, новом Университетском уставе, введении всеобщего и обязательного обучения, административной децентрализации Империи, судебной ответственности министров. Таким образом, Николай II не только не был антагонистом оппозиции, но и предпринимал реальные усилия для достижения компромисса с нею. Поскольку, однако, поддержание «священного единения» царь находил необходимым на условии сохранения хотя бы до окончания войны дуалистической системы, единственным невыполненным пожеланием Прогрессивного блока вплоть до февраля 1917 г. оставался пункт о создании «министерства доверия».

Тем не менее, противясь установлению прямого влияния народного представительства на формирование правительства, т. е. парламентаризма, Николай II систематически допускал косвенное влияние законодательных палат в этой

¹⁵⁰ О Б. В. Штюрмере см.: Кулаков С. В. Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История. Сб. науч. раб. СПб., 2001. Вып 1; Кулаков С. В. Непризнанный реформатор // Знаменитые и известные бежечане. М., 2005. Вып. 3.

области. Не случайно, что из 24 назначений на министерские посты, совершенных после образования Прогрессивного блока, 15 связаны с появлением у власти членов палат, в том числе членов Прогрессивного блока — 4, Думы — 2, Государственного совета по выборам — 1, по назначению — 12. Впрочем, современники и исследователи объясняли все эти кадровые перемены, которые В. М. Пуришкевич окрестил «министерской чехардой», усилением влияния на верховное управление камарильи, т. е. императрицы Александры Федоровны, старца Г. Е. Распутина и лиц из их окружения.

16. Причины «министерской чехарды». Камарилья и высшая кадровая политика

Бессспорно, что попытки влиять на формирование правительства камарилья предпринимала неоднократно. Вопрос, однако, заключается не в том, были эти попытки или нет, а в том, насколько они являлись результативными. За период «министерской чехарды» произошли 23 увольнения и 24 назначения министров. Подавляющее большинство увольнений, три пятых (13), стали следствием ходатайств перед Николаем II самих министров. Почти четверть увольнений (6) последовали по воле царя, и одна шестая (4) — по просьбе премьеров. Александра Федоровна и Г. Е. Распутин, не будучи их инициаторами, одобрили три пятых увольнений (13). К почти половине увольнений (10) царица и старец относились отрицательно либо не имели отношения к ним. Приблизительно та же самая картина наблюдается и в случае с назначениями. Более половины (13) министров были назначены по выбору Николая II, более трети (7) — по просьбе премьеров и одна шестая (4) — по совету предшественников новых министров. Большинство назначений (две трети) царица и старец восприняли отрицательно либо проигнорировали.

Причастность Александры Федоровны и Г. Е. Распутина к оставшимся 8 назначениям состояла в том, что они, по отдельности или вместе, вторили сделанному ранее и независимо от них личному выбору Николая II, когда премьер или другой влиятельный сановник, заслоняя монарха, подвергал сомнению его выбор. Естественно, что в такой ситуации царское мнение предопределяло мнение царицы, а последнее предопределяло мнение старца. Под кандидатами «темных сил» оправданно понимать исключительно кандидатов, не только поддержанных, но и найденных Александрой Федоровной и Г. Е. Распутиным. Однако среди министров такие кандидаты отсутствовали, а внутри остальных категорий бюрократической элиты составляли ничтожное меньшинство. Из 39 и 53 сановников, получивших за время Первой мировой войны посты товарищей министров и членов Государственного совета, кандидатами императрицы были, соответственно, один (товарищ обер-прокурора князь Н. Д. Жевахов) и два человека (А. Б. Нейдгардт и генерал Н. К. Шведов)¹⁵¹. Кандидатом старца являлся один губернатор из 78 губернаторов, назначенных за войну (Н. А. Ордовский-Танаевский).

Поддержка представителями камарильи царских кандидатов давала поводы для слухов о ее влиянии на кадровую политику. В то же время современники, правильно считая, что камарилья пытается влиять, ошибались, когда полагали, что ее влияние результативно. Формирование правительства было рационализировано настолько, что «безответственные влияния» действовали вхолостую. Кабинет формировался бюрократической элитой во главе с верховным чиновником —

¹⁵¹ Куликов С. В. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. раб. СПб., 2000. Вып. 2. С. 100–101.

императором, который, помимо собственных, учитывал пожелания премьеров и увольняемых министров. Если слухи говорили об ином, то по причине непроницаемости всей процедуры формирования, причем не только для бюрократии, но и для камарильи. Имея информацию лишь об одном из звеньев процедуры, представители камарильи при организации утечек информации преувеличивали свое значение как сознательно, так и неосознанно.

Неосведомленность источников информации по принципу «испорченного телефона» ввергала в еще большее заблуждение реципиентов. Обострение политической ситуации, равно как и низкая политическая культура общества, придали слухам о влиянии камарильи форму массового психоза. Широкому распространению этих слухов содействовала и их политическая актуальность, ибо они употреблялись оппозиционерами в качестве главного аргумента в пользу передачи права на формирование правительства от несостоительного императора Думе либо подготовки государственного переворота для его свержения¹⁵².

Главная причина «министерской чехарды» — влияние не «темных сил», а народного представительства. «Министерская чехарда» стала не чем иным, как формой согласования кадровой политики Николая II с законодательными палатами, но такого согласования, которое, не ведя к установлению парламентаризма, проходило в рамках дуалистической системы. Тасяя министров, император пытался создать свой вариант «министерства доверия», альтернативный предлагавшемуся оппозицией. По причине этого характерная для периода войны практика формирования Совета министров если и не приводила к установлению парламентарной системы, то, по крайней мере, содержала в себе несравненно больше элементов парламентаризма, чем до войны.

17. Проблема лидерства в реформаторском процессе

Итак, два с половиной года, предшествовавшие февралю 1917 г., отмечены преобразовательной деятельностью правительства, которая по своей интенсивности является беспрецедентной даже в ряду предшествовавших реформаторских эпох. Поэтому к периоду мировой войны приложимо мнение П. Б. Струве, что в «действиях» русской монархии «гораздо больше от здравых и прогрессивных начал французской революции, чем во всей русской революции»¹⁵³. Вплоть до февраля 1917 г. либеральные реформы, проводившиеся царем и бюрократами, способствовали модернизации российской жизни и созданию правового государства. После установления в октябре 1917 г. большевистской диктатуры существование в дореволюционной России правового государства сделалось очевидным даже для тех, кто ранее это отрицал.

«Большевистские порядки, — подчеркивал С. В. Завадский, — разумеется, заставляют и царское время признавать временем свободы»¹⁵⁴. Перед «коммунистической деспотией», писал Н. С. Тимашев, «старое самодержавие начинает казаться царством свободы и справедливости»¹⁵⁵. По свидетельству датчанина К. А. Кофода, при царизме «население

¹⁵² Подробнее о роли камарильи при формировании кабинета см.: Кулаков С. В. Камарилья и «министерская чехарда». Соотношение вербальных и бюрократических практик в позднеймперской России // Новая политическая история. Сб. науч. раб. СПб., 2004.

¹⁵³ Струве П. Б. Познание революции и возрождение духа // Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. С. 440.

¹⁵⁴ Завадский С. В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 11. С. 19.

¹⁵⁵ Тимашев Н. С. Роль П. А. Столыпина в русской истории. С. 8.

«Революции неизменно идут сверху...»

в целом никоим образом не было порабощено; в старой России жили свободно <...> Царскую Россию можно считать раем по сравнению с любой другой европейской диктаторской страной, появившейся между двумя мировыми войнами»¹⁵⁶.

На склоне лет левому кадету В. А. Оболенскому режим, установившийся в 1906 г., даже после введения военно-полевых судов казался «сравнительно мягким». «Едва ли я ошибусь, — писал он, — если опредлю число казненных за весь период революции 1904—1906 гг. в несколько сот человек. Что значит такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!»¹⁵⁷

«Мы, — вспоминала однопартийка В. А. Оболенского А. В. Тыркова, — уверяли себя и других, что мы задыхаемся в тисках самодержавия. На самом деле в нас играла вольность, мы были свободны телом и духом. Многое нам не позволяли говорить вслух. Но никто не заставлял нас говорить то, что мы не думали. Мы не знали страха, этой унизительной, разрушительной, повальной болезни XX в., посеванной коммунистами. Нашу свободу мы оценили только тогда, когда большевики закрепостили всю Россию. В царские времена мы ее не сознавали»¹⁵⁸.

Революция произошла не потому, что либеральные реформы не проводились, а именно потому, что они проводились. Еще С. Хантингтон, различая модернизацию как процесс, и модернизированность как его итог, указал на «парадоксальную закономерность, что модернизированность рождает стабильность, а модернизация — нестабильность»¹⁵⁹. Осуществление реформ бюрократической элитой, а не общественной контроллой лишило представителей последней возможности для самореализации, а значит — и смысла их бытия. Причиной конфликта между властью и обществом, а тем самым — и революции, стала борьба за лидерство в реформаторском процессе, или, говоря словами П. Бурдье, за монополию символической номинации.

Понимая, что этой монополии не добиться в рамках политического поля старого порядка, представители общественной контроллой в 1915 г. сделали ставку на сотрудничество не только с бюрократической элитой, но и с революционной контроллой и подготовку, вместе с ней, государственного переворота. Борьбу между парламентаристами и дуалистами драматизировало то, что уже в 1915 г. Прогрессивный блок и общественные организации вышли из-под контроля парламентаристов и начали превращаться в оппонентов старого порядка, с тем, чтобы в феврале 1917 г., подобно Голему, нанести своему творцу смертельный удар.

18. Центральный военно-промышленный комитет — штаб по подготовке революции

Особое место среди оплотов общественной контроллой занимал созданный в июне 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), роль которого в подготовке Февральской революции в историографии недооценивается¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Кофод К. 50 лет в России. 1878—1920. М., 1997. С. 255.

¹⁵⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 334.

¹⁵⁸ Тыркова А. В. То, чего больше не будет... С. 288.

¹⁵⁹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. С. 64.

¹⁶⁰ Об образовании и деятельности военно-промышленных комитетов см.: Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. 1941. Т. 11; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 191—212; Siegelbaum L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914—1917: A Study of the War-industries Committees. New York, 1983; Юрий М. Ф. IX съезд представителей промышленности и

Между тем, председателем Бюро ЦВПК с июля 1915 г. стал А. И. Гучков (лидер партии октябрьистов), его заместителем являлся А. И. Коновалов (прогрессист), а товарищами были А. А. Бубликов (прогрессист), М. И. Терещенко (беспартийный) и М. М. Федоров (прогрессист). В ЦВПК входили лидеры оппозиционной общественности, в том числе главноуполномоченные Земского и Городского союзов Г. Е. Львов и М. В. Челноков, депутаты Думы — кадеты В. А. Виноградов, Н. К. Волков, С. В. Востротин, А. А. Добровольский, А. В. Иванов, Ю. М. Лебедев, Н. В. Некрасов, М. И. Пападжанов, В. А. Степанов, Д. И. Шаховской и А. И. Шингарев, прогрессисты М. А. Караулов, В. А. Ржевский и С. И. Франгулов, октябрьсты князь С. С. Волконский, И. В. Годнев, М. Л. Киндяков, И. С. Клюжев, А. Д. Протопопов, Н. В. Савич и Г. С. Унковский, члены Государственного совета Ю. Н. Глебов, Н. Ф. фон Дитмар, Е. Л. Зубашев, Ф. А. Иванов, Н. Э. Крамер, Г. А. Крестовников и П. П. Рябушинский, а также В. П. Литвинов-Фалинский и П. И. Пальчинский.

Солидное представительство в военно-промышленных комитетах имели представители предпринимательской элиты. Так, председателем Петроградского областного военно-промышленного комитета являлся Э. Л. Нобель, его товарищем — В. В. Дюофур, а членами этого комитета были П. А. Бартмер, А. Ф. Бринк, В. П. Вологдин, А. Д. Гальперн, И. Б. Герберц, К. О. Зиверт, В. А. Лебедев, Т. А. Оболдуев, И. П. Панков, А. А. Шварц, Л. И. Шпергазе и Б. А. Эфрон¹⁶¹. Всех этих представителей общественной контрэлиты, как политиков, так и предпринимателей, объединяло исповедание либеральных и радикальных взглядов и резкое неприятие старого порядка. По свидетельству меньшевика Б. О. Богданова, в военно-промышленные комитеты входили «группы буржуазии, настроенные враждебно к царскому режиму»¹⁶².

Целью своей деятельности лидеры ЦВПК считали государственный переворот, ассоциировавшийся прежде всего со свержением Николая II. Уже в июне 1915 г. мысль о необходимости «отстранения царя от престола» разделяли А. И. Гучков, А. И. Коновалов, Г. Е. Львов и М. М. Федоров¹⁶³. Наибольшую активность в этом смысле развил А. И. Гучков, использовавший для подготовки переворота свои

торговли и образование Центрального военно-промышленного комитета // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989; Юрий М. Ф. Буржуазные военно-общественные организации в Перовую мировую войну. М., 1990. См. также: Сенин А. С. А. И. Гучков. М., 1996. С. 83–105.

¹⁶¹ Личный состав военно-промышленных комитетов. По 24 октября 1915 г. Пг., 1915. С. 5, 8–28, 85, 86–87.

¹⁶² Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний // Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 194. Ср.: Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Публ. Д. Дейли, З. И. Перегудовой // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60.

¹⁶³ Речь военного и морского министра, председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17–18; Сухомлинов В. А. Дневник / Публ. И. А. Блинова // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 235; Показания А. И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 6. С. 260; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С. 91; Спиринович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Минск, 2004. С. 128–129; Палеолог Ж. М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 178, 179; Войцук В. Н. С царем и без царя. М., 1994. С. 87, 88; Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 139.

«Революции неизменно идут сверху...»

связи с председателем Думы М. В. Родзянко¹⁶⁴, а также представителями военной элиты, вербую среди них сторонников низложения Николая II. По свидетельству княгини Л. Л. Васильчиковой, другом семьи которой являлся А. И. Гучков, «задолго до революции» он обработал общественное мнение офицерства в направлении «необходимости отречения государя для благополучного окончания войны»¹⁶⁵. В конце июля 1915 г. А. И. Гучков и прогрессист А. Н. Брянчанинов, по его собственному признанию, сделанному французскому послу Ж. М. Палеологу, стали сторонниками не просто государственного переворота, а революции во имя победы, «национальной революции», которая объединила бы все классы общества, причем ее первоначальной целью намечалось не низложение Николая II, а лишение его исполнительной власти и превращение в декоративного парламентарного монарха¹⁶⁶.

В целях обеспечения успеха такой революции необходимо было заручиться поддержкой не только верхов (промышленников, Думы и армии), но и низов, и прежде всего — рабочих, а потому А. И. Гучков предложил ввести в ЦВПК и местные комитеты представителей пролетариата, образовав из них особые рабочие группы. По свидетельству секретаря Общего собрания ЦВПК М. В. Новорусского, руководители ЦВПК создали при нем рабочую группу специально для «подготовки революции»¹⁶⁷. По сути дела, ЦВПК стал штабом общественной контрэлиты по организации революции. Наметившееся с сентября 1915 г. стремление лидеров оппозиции к революции констатировали полицейские, оппозиционеры и подпольщики¹⁶⁸. Вместе с тем, это стремление упорно не замечали советские историки, вольно или невольно препарировавшие исторические источники в соответствии с ленинским тезисом о том, что накануне Февральской революции русская буржуазия, как исторически несостоительный класс, не могла стремиться к революции и думала лишь о ее предотвращении. Впрочем, указанный тезис как будто бы подтверждали сами буржуазные лидеры. Ведь 8 сентября 1915 г. в Москве А. И. Гучков заявил, участвуя в работе съездов Земского и Городского союзов: «Не для революции мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти и в целях защиты родины от революции и анархии»¹⁶⁹. Однако в данном случае А. И. Гучков лишь маскировал свои истинные цели, которые, естественно, было небезопасно объявлять публично.

¹⁶⁴ Сухомлинов В. А. Дневник. С. 234; Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем / Публ. И. А. Блинова // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 72; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 186.

¹⁶⁵ Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. 1886–1919. СПб., 1995. С. 323. Ср.: Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 60.

¹⁶⁶ Палеолог Ж. М. Царская Россия во время мировой войны. С. 195, 196, 197.

¹⁶⁷ Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 27–28. Ср.: Общее положение к июлю 1916 г. Записка Департамента полиции / Публ. П. Е. Щеголева // Былое. 1918. № 31. С. 27; Печатная записка Департамента полиции от начала марта 1916 г. о рабочих группах при военно-промышленных комитетах // Рабочее движение в годы войны / Сост. М. Г. Флеер. М., 1925. С. 271; Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 194; Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 60.

¹⁶⁸ Памятная записка Московского охранного отделения по общественному движению в г. Москве с 1 июня по 1 октября 1915 г. 3 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 37; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3-х т. М., 1992. Т. 1: Канун семнадцатого года. С. 124; Милоков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 30.

¹⁶⁹ Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о Городском съезде // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 50.

19. Диспозиции № 1 и 2.
Тайная стратегия общественной контрэлиты

Тайную стратегию общественной контрэлиты, подразумевавшую революцию, содержала диспозиция № 1 Комитета народного спасения, заседавшего 8 сентября 1915 г. в Москве, т. е. в тот самый день и в том самом месте, когда и где А. И. Гучков якобы отрекался от революции. С. П. Мельгунов полагал, что диспозиция № 1 имеет отношение к деятельности русского политического масонства¹⁷⁰. Представляется, однако, что диспозиция связана, прежде всего, с деятельность ЦВПК как штаба общественной контрэлиты по подготовке «национальной революции», которую напрямую подразумевали авторы диспозиции. Они, в частности, провозглашали, что «достигнуть полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной полной победы над врагом внутренним»¹⁷¹, т. е. императором и его правительством.

Доказательство подлинности диспозиции дает сопоставление приведенного мнения с точкой зрения А. И. Гучкова и его соратников по ЦВПК, которые, по его признанию, накануне Февральской революции считали, что «при наличии современной власти победа для России невозможна» и «приходится включить в нашу программу сотрудничества с властью и помочь войне — необходимость свержения этой власти, ибо только при этом условии являлись шансы на победу»¹⁷². «Полная победа внутри», по мнению авторов диспозиции, означала «преклонение всех без исключения лиц в Империи перед утверждением: “русский народ есть единственный державный хозяин Земли русской”». Речь, таким образом, шла о свержении Николая II, называвшего себя «хозяином Земли русской», путем революции и введении народовластия, которое воплощалось Учредительным собранием. Диспозиция предоставляла «основной ячейке» в составе членов ЦВПК А. И. Гучкова и Г. Е. Львова и лидера трудовиков А. Ф. Керенского назначить «штаб верховного командования из десяти лиц». «Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права», диспозиция предлагала принять А. И. Гучкову.

Диспозиция № 2, данная 18 сентября 1915 г., предписывала членам ЦВПК А. И. Гучкову, Г. Е. Львову и П. П. Рябушинскому, а также лидеру Прогрессивного блока в Государственном совете В. И. Гурко и А. Ф. Керенскому, «просить А. И. Гучкова принять на себя командование “Армией спасения России” против врагов внутренних». Штаб «верховного командования из десяти лиц» во главе с А. И. Гучковым должен был, «блокируясь налево, определить последовательность мер воздействия» на «врагов народа»¹⁷³. Следовательно, союзу с бюрократической элитой общественная контрэлита предпочла союз с революционной контрэлитой. Кроме того, как и первая, вторая диспозиция подразумевала свержение Николая II путем «национальной» революции. В начале апреля 1917 г. А. И. Гучков заявил итальянскому посланнику в Румынии барону К. Фашотти, что «совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора лет старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем»¹⁷⁴. Если от марта 1917 г. отнять полтора года, то получится сентябрь 1915 г. — время принятия диспозиций, которые свиде-

¹⁷⁰ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. С. 191. С. 191.

¹⁷¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 82–85.

¹⁷² Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 17, 18.

¹⁷³ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 82–85, 94–96.

¹⁷⁴ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. / Публ. А. Л. Попова // Красный архив. 1927. Т. 24. М.; Л., 1927; Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. С. 91.

«Революции неизменно идут сверху...»

тельствовали, что «министерство доверия» и «ответственное министерство», являвшиеся официальной целью Прогрессивного блока, Земского и Городского союзов и ЦВПК, для некоторых весьма влиятельных представителей общественной контрэлиты, прежде всего — А. И. Гучкова, неофициально были только переходными этапами на пути к свержению Николая II.

В декабре 1915 г. А. Н. Брянчанинов, которому принадлежали копии диспозиций № 1 и 2, обнаруженные Департаментом полиции, заявил на допросе в Петроградском охранном отделении, что «не помнит, от кого и при каких обстоятельствах он получил осенью 1915 г. упомянутые циркуляры», причем охарактеризовал их как один из «курьезов, распространявшихся в те времена»¹⁷⁵. А. Я. Аврех, разделяя тезис об антиреволюционности буржуазии, поверил показаниям А. Н. Брянчанинова, не подвергнув их критике. Между тем, подлинность диспозиций оказалась удостоверенной с неожиданной стороны. Копия диспозиции № 1 российские корреспонденты В. И. Ленина переслали ему в Швейцарию, где с ней ознакомился связанный с вождем большевиков и одновременно с германской контрразведкой эстонский революционер А. Э. Кескюла. Он полагал, что диспозиция — «детище правого крыла так называемых националистов», в связи с чем называл имя В. В. Шульгина. А. Э. Кескюла относил диспозицию к числу «в высшей степени интересных документов», показывающих «степень развития, достигнутую русским революционным движением к концу 1915 г.» и доказывающих, что оно стало «вполне созревшим и готовым»¹⁷⁶.

Курьезом надо признать не диспозиции, а то, что А. Н. Брянчанинов, еще сравнительно нестарый человек, уже через два месяца не помнил обстоятельств появления у него «циркуляров». Очевидно, что его объяснения — всего лишь отговорка, доказывающая лишь одно — что от идеи «национальной революции», обсуждавшейся им с А. И. Гучковым и Ж. М. Палеологом, А. Н. Брянчанинов не отказался. Его поведение в декабре 1915 г. необходимо соотнести с тем, что революционизирование общественной контрэлиты в ноябре — декабре этого года попало в поле зрения и оппозиционеров, и революционеров¹⁷⁷. По свидетельству А. Ф. Керенского, А. И. Гучков «стал революционером» в октябре 1915 г., когда не только его «партийные друзья», но и «большинство кадетов и прогрессистов от одного слова революция приходили в священный ужас». Сам А. И. Гучков признался, что «стал революционером в 1915 г.», прида «к твердому убеждению» — «самодержавие грозит поражением» и «спаси страну» «можно, только покончив со старым режимом». В ноябре 1915 г. на одном из совещаний общественных деятелей ближайший соратник А. И. Гучкова по ЦВПК А. И. Коновалов солидаризировался с А. Ф. Керенским, выдвинувшим идею организации забастовок для борьбы с правительством¹⁷⁸. Доказательством того, что осенью 1915 г. А. И. Гучков

¹⁷⁵ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 101.

¹⁷⁶ Письмо Кескюла — Штейнваксу. 9 января 1916 г. // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1995. С. 259.

¹⁷⁷ Родзянко М. В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 112; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 133; А. Ф. Керенский. По материалам Департамента полиции. Пг., 1917. С. 35.

¹⁷⁸ Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. С. 305, 306. Керенский А. Ф. А. И. Гучков. Из воспоминаний // Современные записки. 1936. Т. 60. С. 460, 461; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 87. Ср.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. / Публ. Н. А. Лапина // Красный архив. 1932. Т. 52. С. 145, 148.

действительно стал революционером, по крайней мере — тайным, доказывается его явным отношением к созданию рабочей группы ЦВПК.

**20. Союз общественной и революционной контрэлит.
Рабочая группа буржуазного комитета**

А. И. Гучков сделал все, чтобы выборы в рабочую группу прошли даже после того, как они провалились 27 сентября 1915 г. из-за бойкота большевиков¹⁷⁹. Состоявшееся 29 ноября 1915 г. в главном зале ЦВПК собрание выборщиков, на котором была образована рабочая группа, А. И. Гучков открыл речью, в которой иносказательно намекнул на необходимость революции, подчеркнув, что «мы все должны победить врага и вместе с тем стремиться к самому лучшему устройству внутренней жизни России». То, что руководитель ЦВПК имел в виду именно революцию, открыто подтвердил председатель собрания меньшевик К. А. Гвоздев, который пользовался близостью к А. И. Гучкову¹⁸⁰. К. А. Гвоздев выступил за организацию «общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом — самодержавным строем», отмечая, что для достижения этих двух целей и «необходимо деятельное участие в работах военно-промышленных комитетов». Говоря о том, о чём А. И. Гучков умалчивал, К. А. Гвоздев заявил, что «власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии» и Россия — «накануне буржуазной революции»¹⁸¹.

Лозунг «революция во имя победы» объединил представителей общественной и революционной контрэлит, буржуазии и пролетариата, противореча марксистскому тезису об их антагонизме, а потому позицию меньшевиков-оборонцев советские историки всячески извращали, утверждая, что они, якобы, были менее революционны, чем большевики, выступавшие за поражение России, хотя центр тяжести оборонческой позиции находился в исповедании необходимости революции. В рабочую группу ЦВПК оказались избраны 10 человек, все — меньшевики, причем ее председателем стал К. А. Гвоздев, а секретарем — Б. О. Богданов. По свидетельству последнего, резолюция рабочей группы, принятая 29 ноября 1915 г., имела «антицаристскую направленность»¹⁸². Действительно, резолюция 29 ноября говорила о «коренной ломке режима», причем очередной задачей рабочего класса ее авторы объявили «борьбу за созыв Учредительного собрания» с тем, чтобы «вырвать власть из рук ее нынешних носителей». По сути дела, эта программа совпадала с программой диспозиции № 1.

Неудивительно, что революционная резолюция была затем оглашена в общем собрании ЦВПК 3 декабря, причем не вызвала никаких возражений со стороны его руководителей, прежде всего А. И. Гучкова¹⁸³. Более того, первое

¹⁷⁹ Показания А. И. Гучкова... С. 286; Корреспонденция из газеты «Социал-демократ» о собрании уполномоченных по выборам в Рабочую группу ЦВПК 27 сентября 1915 г. 30 сентября 1915 г. // Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Док. и мат. / Под ред. Ю. И. Кораблева. Л., 1958. С. 359; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 119; Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 61.

¹⁸⁰ Показания А. И. Гучкова... С. 286; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 119.

¹⁸¹ Там же. С. 122, 134.

¹⁸² Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 195. Ср.: Печатная записка Департамента полиции... С. 277.

¹⁸³ Заявление Рабочей группы ЦВПК. 3 декабря 1915 г. // Меньшевики. Док. и мат. 1903–1917 гг. / Публ. С. В. Тютюкина. М., 1996. С. 406, 408, 409.

«Революции неизменно идут сверху...»

заседание рабочей группы состоялось в главном зале ЦВПК под покровительством его председателя. По воспоминаниям Б. О. Богданова, А. И. Гучков лично «охранял» членов группы, ожидая вмешательства полиции. При этом он демонстративно подчеркивал «полную самостоятельность и независимость рабочего представительства»¹⁸⁴. Несомненное покровительство рабочей группе со стороны А. И. Гучкова и других деятелей ЦВПК предопределялось политической солидарностью общественной и революционной контрэлит, буржуазных и пролетарских лидеров. Уже в декабре 1915 г. первые ориентировались на государственный переворот, что признавали сами члены рабочей группы, А. Ф. Керенский и полицейские¹⁸⁵.

Покровительство ЦВПК рабочей группе продолжалось и в дальнейшем, до самой Февральской революции, несмотря на все социальные и политические противоречия, разделявшие лидеров буржуазии и пролетариата. Все это время ЦВПК оплачивал финансовые расходы рабочей группы, печатал отчеты о ее собраниях и приглашал членов группы на заседания своего Бюро¹⁸⁶. Собрания группы, превращавшиеся в политические митинги, происходили почти ежедневно, в том числе — и в парадных помещениях ЦВПК, которые «портились» рабочими. Однако А. И. Гучков и А. И. Коновалов, отмечал Б. О. Богданов, «никак не выразили своего неудовольствия по этому поводу»¹⁸⁷. Благодаря поддержке общественной контрэлиты революционная контрэлита получила возможности для упрочения своих позиций.

В деятельности рабочей группы участвовали лидеры меньшевиков, большевиков и эсеров, профсоюзов и кооперативов, а также члены Фракций меньшевиков и трудовиков Думы, в том числе их председатели Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский, и представители революционной интеллигенции, группировавшиеся вокруг большевика Н. Д. Соколова¹⁸⁸. Через постоянно функционирующие комиссии при группе ее члены имели связи с петроградскими заводами, где пользовались огромным влиянием¹⁸⁹. Итогом этого стало то, что в 1915–1917 гг. рабочая группа ЦВПК фактически была Советом рабочих депутатов, главным легальным центром рабочего движения в масштабах не только Петрограда, но

¹⁸⁴ Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 195.

¹⁸⁵ Печатная записка Департамента полиции... С. 278; Запись беседы Б. И. Николаевского с А. Ф. Керенским. Зима 1924–1925 г. // Платонов О. А. Тайная история масонства. Док. и мат.: В 2-х т. М., 2000. Т. 2. С. 269; Спирдович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 300, 302.

¹⁸⁶ Печатная записка Департамента полиции... С. 276; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 275; Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 196; Выступление А. И. Коновалова. 17 февраля 1917 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты / Под ред. В. Д. Карповича: В 4-х т. М., 1995. Т. 4. С. 293; Протопопов А. Д. Предсмертная записка. Август 1918 г. С. 563.

¹⁸⁷ Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 195.

¹⁸⁸ Общее положение к июлю 1916 г. ... С. 27; Рафес М. Г. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 179; Арский Р. В Петрограде во время войны (Из воспоминаний) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 87; Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Н. Покровского // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 7; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 275.

¹⁸⁹ Маевский Е. Предисловие // Канун революции. Из истории рабочего движения на кануне революции 1917 г. Деятельность рабочего представительства при ЦВПК (по материалам) / Сост. Е. Маевский. Пг., 1918. С. 6; Арский Р. В Петрограде во время войны. С. 87; К истории гвоздевщины. «Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК / Публ. И. А. Меницкого // Красный архив. 1934. Т. 67. С. 41; Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 61.

и всей России¹⁹⁰. По свидетельству М. В. Новорусского, рабочей группой велась «подготовка революции»¹⁹¹. При этом группа проводила не какую-то свою сепаратную политику, а линию руководителей ЦВПК¹⁹². Деятельность ЦВПК способствовала революционизации общественного сознания.

**21. Свой среди чужих, чужой среди своих.
Назначение А. Д. Протопопова управляющим МВД**

В конце февраля 1916 г. некоторые лидеры Прогрессивного блока, среди которых были и члены ЦВПК, уже разделяли мнение о необходимости свержения Николая II, пока что — при сохранении монархии¹⁹³. Тогда же стали более тесными связи общественной контрэлиты с военной элитой. По просьбе А. И. Гучкова А. И. Коновалов, общавшийся с М. В. Алексеевым 22 марта 1916 г., склонял его к участию в подготовке свержения царя¹⁹⁴. Естественно, что официально оппозионеры выдвигали более легальные лозунги — «министерства доверия» и «ответственного министерства». Между тем, Николай II по-прежнему стремился к соглашению с оппозицией, но только в рамках дуалистической системы, подтверждением чему явилось назначение товарища председателя Думы и члена ЦВПК А. Д. Протопопова управляющим МВД.

А. Д. Протопопову было известно, что некоторые оппозионеры, прежде всего — А. И. Гучков, «искренно увлечены мыслью о перевороте», поскольку А. Д. Протопопов принадлежал к числу «политических друзей» А. И. Гучкова. А. Д. Протопопов отлично представлял себе «не только общую картину думского революционного заговора», но и «все нити этого заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению престола». «Вы, — заявил он 19 октября 1916 г. лидерам оппозиции, — хотите потрясений, перемены режима»¹⁹⁵. А. Д. Протопопов не сочувствовал сторонникам государственного переворота. «Мысль делать переворот во время войны, — вспоминал он, — мне казалась чудовищной»¹⁹⁶. В связи с этим член ЦВПК начал относиться к недавнему другу отрицательно. В конце июля 1916 г. А. Д. Протопопов дал А. И. Гучкову «весёлую неlestную аттестацию», назвав его «великим разрушителем»¹⁹⁷.

¹⁹⁰ Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 195, 196; Протопопов А. Д. Предсмертная записка. С. 563; Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 61.

¹⁹¹ Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 27–28. Ср.: Маевский Е. Предисловие. С. 6; Общее положение к июлю 1916 г. ... С. 27; Печатная записка Департамента полиции... С. 271–272; Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 189; Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 60; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 300.

¹⁹² Мильчик И. И. Рабочий Февраль. М.; Л., 1931. С. 30; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. Семнадцатый год. С. 37. Ср.: Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 61; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 300, 301.

¹⁹³ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917: В 2-х т. Нью-Йорк, 1954–1955. Т. 2. С. 448, 449.

¹⁹⁴ Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С. 545, 664; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 118.

¹⁹⁵ Совещание членов Прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, устроенное на квартире М. В. Родзянко. 19 октября 1916 г. // Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 148; Показания А. И. Гучкова... С. 289; Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода: В 2-х т. М., 1993. Т. 1. С. 178; Протопопов А. Д. Предсмертная записка. С. 179.

¹⁹⁶ Там же. С. 180.

¹⁹⁷ Шаховской В. Н. Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. С. 164.

«Революции неизменно идут сверху...»

Демонстративно верноподданническая позиция А. Д. Протопопова сделала для него невозможным, особенно после получения министерского портфеля, сотрудничество со сторонниками переворота. «Я, — говорил он осенью 1916 г. главноуправляющему государственным здравоохранением Г. Е. Рейну, — не позволю, чтобы моего царя поставили на колени в Успенском соборе и заставили отречься от престола»¹⁹⁸. Отказ А. Д. Протопопова от сотрудничества с лидерами оппозиции в деле подготовки свержения царя стал одной из причин развертывания ими кампании по дискредитированию управляющего МВД. Оппозиционеры, полагали осведомленные современники, боялись А. Д. Протопопова как «человека, знающего много лишнего», а потому они решили «затравить его, признав сумасшедшим, для того, чтобы обесценить его разоблачения»¹⁹⁹. А. Д. Протопопов оказался едва ли не самым ненавистным Думе министром за всю ее дореволюционную историю, хотя продолжал разделять либеральные взгляды. «Враждебное со всех сторон отношение к себе Протопопов, — показывал его телохранитель Р. Ю. Пиранг, — объяснял тем, что враги его не знают, что он собирается делать, он же, по его словам, был намерен ввести сначала порядок и затем дать равноправие евреям, улучшить положение духовенства, заняться земствами»²⁰⁰.

Осенью 1916 г., по сравнению с летом 1915 г., намного большее значение приобрела политическая поляризация внутри неправительственного либерализма в целом, сопровождавшаяся борьбой парламентаристов и дуалистов, а его правого, дуалистического крыла, выразившаяся в солидаризации дуалистов с оппозицией по вопросу о необходимости отставки А. Д. Протопопова. Решение этого вопроса, согласно желанию Прогрессивного блока, было бы шагом на пути к парламентаризации верховного управления. В конце 1916 — начале 1917 г. ее необходимость признавали не только парламентаристы Совета министров и Государственного совета, представители династической (императорская фамилия) и военной (Ставка) элиты, но и умеренные дуалисты — премьеры А. Ф. Трепов и князь Н. Д. Голицын, выступавшие за фактическое введение «министерства доверия» хотя бы на время. В результате политической поляризации, восторжествовавшей в лагере дуалистов на рубеже 1916—1917 гг., возможность установления в России парламентаризма стала вероятной, как никогда ранее.

22. От монарха к Думе. Высшая бюрократия и перегруппировка элит

Предпосылкой парламентаризации верховного управления было наметившееся в годы войны возрастание удельного веса народного представительства, причем изменение его статуса явилось итогом углубления союза между бюрократической элитой и общественной контрэлитой, что вызвало кардинальную перегруппировку, которая затронула также династическую, придворную и военную элиты. До 1914 г. общественная контрэлита имела против себя коалицию монарха, бюрократической, придворной и военной элит. В годы войны, вследствие позиции, занятой политически активной частью бюрократии, новая, более мощная коалиция, нацеленная на введение парламентаризма и соединившая в рамках «священного единения» общественную контрэлиту и бюрократическую, придворную и военную элиты, противостояла теперь уже монарху.

¹⁹⁸ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907—1918: В 2-х т. Берлин, б. г. Т. 2. С. 86.

¹⁹⁹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 168; Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Т. 1. С. 178.

²⁰⁰ Протокол допроса Р. Ю. Пиранга // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

Сопротивляясь немедленному установлению парламентаризма, царь оказался вне этого единения, результатом чего стало то, что накануне Февральского переворота Николай II находился в изоляции, которая и предопределила его поражение. Дистанцируясь как от левых, так и от правых, надеясь на то, что политика, по выражению А. В. Кривошеина, «*золотой серединки*» удовлетворит всех, император не устраивал никого: либералам он казался недостаточно либеральным, консерваторам — недостаточно консервативным. Неприятие курса верховной власти переросло в острое недовольство личностью ее носителя, повально захватившее представителей не только либерального, но и консервативного крыла бюрократической элиты.

Степень оппозиционности царских сановников переоценивать не приходится. Будучи направлена не против монархического принципа, а против конкретных личностей, его воплощавших, оппозиционность эта стала следствием не столько идейного перерождения, сколько внешней реакции на внешнее же обстоятельство — обострение внутриполитического кризиса. Но в конкретных политических условиях конца 1916 — начала 1917 г. разрушительным потенциалом обладала не только пассивная оппозиционность, но даже и безобидная аполитичность. Несмотря на всю свою случайность и даже эфемерность, оппозиционность, охватившая политически активную часть бюрократической элиты, привела к отнюдь не эфемерному итогу — к изоляции монарха. «*Вокруг престола*, — писал по этому поводу А. Н. Яхонтов, — образовывалась атмосфера отчужденности и даже враждебности»²⁰¹. Быстрое забвение представителями бюрократической элиты верноподданнического долга совсем не удивительно.

К началу 1917 г. степень бюрократизации государственной власти Российской империи была столь высока, что применительно к этому времени можно говорить об обретении высшей бюрократией самодостаточности по отношению к императору. Поскольку не она зависела от монарха, а он зависел от нее, после разрыва Николая II с парламентаристами (август–сентябрь 1915 г.) и дуалистами (ноябрь–декабрь 1916 г.) его уход с политической арены, в форме ли превращения в декоративного парламентарного монарха или экс-императора, оставался лишь вопросом времени. Неизбежность этого вызывалась и тем, что политический раскол бюрократической элиты детерминировал, несмотря на такие уступки, как назначение А. Д. Протопопова, консолидацию общественной контрэлиты по вопросу о необходимости свержения царя и упрочение ее союза с революционной контрэлитой.

23. Заговор без заговорщиков?

План А. И. Гучкова

Характерно, что именно сразу после появления думца во главе МВД, в конце сентября 1916 г., под эгидой ЦВПК у М. М. Федорова прошли два совещания, участниками которых были А. И. Гучков, М. И. Терещенко и руководители Прогрессивного блока. Участники совещаний решили заменить Николая II цесаревичем Алексеем Николаевичем, назначив регентом великого князя Михаила Александровича. Всю ответственность за разработку и выполнение плана государственного переворота взял на себя А. И. Гучков, с тем, чтобы «не подвергать риску» вождей Прогрессивного блока, особенно председателя Думы М. В. Родзянко. Однако, по свидетельству А. Ф. Керенского, решение о необходимости

²⁰¹ А. Н. Яхонтов — С. Е. Крыжановскому. 31 мая 1924 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 476.

«Революции неизменно идут сверху...»

переворота А. И. Гучков «принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями Блока». Поэтому фактически все участники совещания, в том числе и М. В. Родзянко, были участниками заговора²⁰². Появление во главе заговора А. И. Гучкова вполне понятно. К осени 1916 г., по воспоминаниям октябристка князя А. В. Оболенского, А. И. Гучков стал «открытым злобным революционером», настроенным «больше всего» против Николая II. На проходившем 26–27 сентября 1916 г. в Петрограде съезде представителей областных военно-промышленных комитетов А. И. Гучков объявил о своем согласии «ополчиться на борьбу с правительственною властью»²⁰³.

Для выполнения возложенного на него поручения, спустя два-три дня после второго совещания у М. М. Федорова, А. И. Гучков приступил к организации технической группы по подготовке государственного переворота. В нее вошли члены ЦВПК Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, к которым впоследствии присоединились князь Д. Л. Вяземский и отставной штаб-ротмистр П. П. Коцебу²⁰⁴. С 13 октября по 20 декабря 1916 г. А. И. Гучков лечился в Кисловодске²⁰⁵. Однако он мог руководить подготовкой переворота через посредников, в частности — своего заместителя А. И. Коновалова. План переворота, разработанный группой А. И. Гучкова, заключался, по его признанию, в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство». При этом заговорщики исходили из того, что отречение Николая II должно стать добровольным, ибо в противном случае «можно было опасаться гражданской войны»²⁰⁶.

Необходимо отметить, что именно таким образом развивались события в ходе Февральской революции. Тем не менее, как указывал А. И. Гучков, его план остался только в области мечтаний и реального воплощения не получил. Однако А. Ф. Керенский подчеркивал, что рассказ А. И. Гучкова о его плане «явно несколько сглажен», учитывая, что при даче показаний он не упомянул «о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя»²⁰⁷. Более того, именно А. И. Гучков дал авторитетное обоснование версии о стихийном характере Февральской революции 1917 г. Сразу после победы революции, публично откращиваясь от роли одного из ее авторов, он заявил, что революция стала результатом не «какого-то умного и хитрого заговора, какого-то комплита, работы каких-то замаскированных заговорщиков», а «стихийных исторических сил»²⁰⁸. Очевидно, самого себя, как и своих единомышленников, А. И. Гучков к числу этих стихийных сил явно не относил.

²⁰² Оболенский А. В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр. 48. С. 102, 103; Гучков А. И. Из воспоминаний // Подвиг. 1991. Вып. 38. С. 217; А. И. Гучков рассказывает... / Публ. С. М. Ляндреса, А. В. Смолина // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 203; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 137, 138.

²⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914–1917. С. 160; Оболенский А. В. Мои воспоминания. С. 102, 103; Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 349.

²⁰⁴ А. И. Гучков рассказывает... С. 205, 206.

²⁰⁵ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 301.

²⁰⁶ Показания А. И. Гучкова... С. 262, 274, 278; А. И. Гучков рассказывает... С. 205. Ср.: Верховский А. И. На трудном перевале. С. 228; Запись беседы Б. И. Николаевского с А. Ф. Керенским... С. 270.

²⁰⁷ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 137, 140.

²⁰⁸ Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 17–18.

**24. Проблема соотношения стихийности и сознательности.
К вопросу о характере Февральской революции**

В узком кругу особо доверенных лиц А. И. Гучков говорил иначе. На обеде, данном им нескольким офицерам, объясняя, почему «революция грянула», он заметил: «Междур прочим <...> по моей вине. Я хочу, чтобы вы об этом знали»²⁰⁹. Как представляется, делать подобные заявления публично А. И. Гучкову мешало разделявшееся им и другими вождями нового порядка убеждение в том, что признание революции не стихийной, а организованной затруднит ее легитимацию. Характерны сомнения А. А. Блока, друга М. И. Терещенко, от которого поэт узнал о закулисной стороне Февральской революции. «Революция, — записал А. А. Блок 25 мая 1917 г., — предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»²¹⁰

В том, что Февральская революция не являлась «результатом работы какой-то группы заговорщиков», как это наблюдалось «в младотурецком или младопортугальском перевороте», крылась, по мнению А. И. Гучкова, гарантия ее «незыблемой прочности». «Не людьми этот переворот сделан, — передавал он логику, заставлявшую трактовать революцию как нечто стихийное, — и, поэтому, не людьми может он быть разрушен»²¹¹. Впоследствии беспристрастное изучение вопроса о соотношении плана А. И. Гучкова и Февральской революции было крайне затруднено идеологемами, которые в течение десятилетий довлели как над отечественной, так и над западной историографией.

В СССР сама постановка вопроса о революционности «цензовика» считалась чем-то абсолютно крамольным — революционными, с точки зрения советских историков, могли быть исключительно большевики, признававшие за собой монополию даже на буржуазную революцию, и абстрактные народные массы, особенно — пролетариат. Согласно концепции о «двуих заговорах», обоснованной в «Кратком курсе истории ВКП(б)», накануне Февральской революции существовало два заговора — царизма и буржуазии, которые, однако, не вылились во что-либо реальное. Лишь В. С. Дякин убедительно доказал, что в том смысле, какой авторы указанной концепции вкладывали в понятия «заговора царизма» и «заговора буржуазии», ни того, ни другого просто не было²¹². Классовая парадигма не позволяла советским историкам выйти за пределы «Краткого курса» с его жестким противопоставлением дворянства буржуазии и их обоих — пролетариату, из-за чего даже не возникало вопроса о способности всех трех классов действовать солидарно, как это происходило во время Февральской революции.

Западные историки находились под влиянием не только советской, но и эмигрантской историографии, которая, в свою очередь, восприняла некоторые штампы эмигрантской мемуаристики, прежде всего — тезис о непричастности лидеров оппозиции к революционному движению и их вынужденном участии в нем. Однако эмигрантские мемуаристы, в том числе А. И. Гучков, также имели свои причины для преуменьшения роли «цензового элемента» в свержении монархии, особенно тогда, когда были непосредственными участниками Февральной революции, нашедшей свое логическое продолжение в Октябрьской революции. Получалось, что А. И. Гучков и его соратники оказывались виноватыми не только

²⁰⁹ Верховский А. И. На трудном перевале. С. 227–228.

²¹⁰ Блок А. А. Собр. сочинений: В 8-и т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 255.

²¹¹ Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 18.

²¹² Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 274, 304, 310–311.

«Революции неизменно идут сверху...»

в свержении монархии, но и, косвенно, в падении буржуазной демократии и возвращении тоталитарного режима.

После того, как революционный процесс вышел из-под контроля А. И. Гучкова и гучковцев и стал развиваться совсем не в том направлении, на победу которого они рассчитывали, среди них возникло естественное и по-человечески понятное стремление снять с себя вину за то, что произошло накануне и в ходе Февральской революции, преуменьшив собственную роль и свалив свои личные просчеты на разгул народной стихии. Таким образом, как это ни парадоксально, но в сохранении незыблемости версии о стихийности Февральской революции были заинтересованы деятели, придерживавшиеся противоположных политических ориентаций — и красные, и белые. Классовая парадигма лишь консервировала отмеченную заинтересованность, мешая беспристрастному анализу проблемы соотношения плана А. И. Гучкова и Февральской революции.

25. «Вооруженный переворот». Общественная контрэлита и военная и придворная элиты

Рассматривая план А. И. Гучкова в контексте элитистской парадигмы, необходимо отметить, что он подразумевал содействие общественной контрэлите со стороны военной элиты, т. е. представителей петроградского гарнизона, Ставки и фронтовых штабов, а также служащих железных дорог, по которым ездил императорский поезд. Как отмечал сам А. И. Гучков, «основным пунктом» разработанной им и его единомышленниками из ЦВПК «практической программы» был «вооруженный переворот» в Петрограде. Руководители ЦВПК предпринимали реальные шаги по организации военного восстания. Зимой 1916–1917 гг., подчеркивал А. Ф. Керенский, А. И. Гучков «не ограничивался размышлениями о восстании, а энергично занимался его подготовкой вместе с М. И. Терещенко». Вооруженный переворот, по свидетельству Н. И. Иорданского, готовился «военной организацией», связанной с руководителями ЦВПК и «совершенно независимой» от революционных партий²¹³.

Готовить именно вооруженный переворот А. И. Гучкову было тем легче, что он пользовался авторитетом у гвардейских офицеров и поддерживал контакты с ними, в частности, с сыном М. В. Родзянко, офицером-преображенцем Г. М. Родзянко, который создал «целую организацию из крупных офицеров», ставшую частью «военной организации» ЦВПК. А. И. Гучков стремился вовлечь в переворот командиров гвардейских полков, находившихся на фронте, с тем, чтобы эти командиры образовали бы в Петрограде «в порядке отпусков» «группу единомышленников». Кроме А. И. Гучкова, вербовкой военных занимались Д. Л. Вяземский и П. П. Коцебу, которые получили задание завести связи среди офицеров запасных частей столицы и привлечь к заговору «высоких чинов». Итог их деятельности ограничился «единичными присоединениями» «молодых, невысоких чинов»²¹⁴. Тем не менее, к «военной организации» были причастны ключевые фигуры Петроградского военного округа: помощник начальника войсковой охраны столицы и запасных гвардейских батальонов полковник В. И. Павленков, генерал-квартирмейстер штаба округа полковник Ф. И. Балабин, исполняющий должность начальника Главного

²¹³ Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 17–18; Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. 1928. Кн. 1. С. 170, 171; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 168.

²¹⁴ Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 45; Запись беседы с Н. Д. Соколовым... С. 9б; Милоков П. Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 244; А. И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 205, 206.

управления генерального штаба генерал М. И. Занкевич и начальник Главного артиллерийского управления генерал А. А. Маниковский²¹⁵.

В середине декабря 1916 г. на заседании Бюро ЦВПК обсуждались формы участия армии в будущей революции, в связи с чем М. И. Терещенко заявил, что «достаточно 2–3 полка, с которыми и можно будет все выполнить»²¹⁶. Показательно, что именно поддержка антиправительственного движения «двумя-тремя полками» предопределила победу Февральской революции в Петрограде. Помимо офицеров, руководители ЦВПК поддерживали контакты и с солдатами.

В ходе подготовки государственного переворота с А. И. Гучковым, по его признанию, «говорили откровенно» не только «большой генерал», но и «простой солдат». Обработка рядового состава петроградского гарнизона, сообщал Н. И. Иорданский, велась «буржуазными сторонниками» переворота «без участия партийных социалистов». В конце 1916 — начале 1917 г., вспоминал Н. В. Некрасов, «готовилась группа» в селе Медведь, в Новгородской губернии, где были запасные части, и в полках Петрограда²¹⁷. К началу 1917 г. «военная организация» сформировалась окончательно. Руководители ЦВПК и члены Рабочей группы знали точно, что во всяком случае, часть петроградского гарнизона поддержит антиправительственное выступление²¹⁸.

«Технической подготовкой» восстания в Петрограде ведал Н. В. Некрасов, который, в связи с этим, оказался, по его признанию, «одним из связующих звеньев между различными группами». Н. В. Некрасов «заранее» изучил устройство Петроградской телефонной станции, с целью ее захвата во время восстания, а также составил список будущих арестантов²¹⁹. Параллельно с подготовкой восстания в столице группа А. И. Гучкова создавала предпосылки для поддержки его Ставкой и штабами фронтов.

«Свои упования» А. И. Гучков и другие руководители ЦВПК возлагали и «на действующую армию»²²⁰. В конце октября 1916 г. Г. Е. Львов и М. В. Алексеев разработали план переворота, подразумевавший арест Александры Федоровны в Ставке, заключение ее в монастырь или высылку в Крым и назначение «министерства

²¹⁵ Берберова Н. И. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С. 41, 42; А. И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 199; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 г. М., 1993. С. 179; Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 27 (ср.: А. И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 211); Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 38; «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову / Публ. С. В. Куликова // Источник. 1999. № 1. С. 31; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 99.

²¹⁶ Донесение Департамента полиции о заседании Бюро ЦВПК в середине декабря 1916 г. (Лаверьчев В. Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 157).

²¹⁷ Допрос А. И. Гучкова... С. 280; Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. С. 170, 171; Оболенский А. В. Моя жизнь. Мои современники. С. 102; Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 38.

²¹⁸ Беседа с членом Государственной думы Н. И. Нечаевым... С. 3; Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174.

²¹⁹ Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 19, 20; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 498.

²²⁰ В январе и феврале 1917 г. ... С. 117.

«Революции неизменно идут сверху...»

доверия» во главе с теми же Г. Е. Львовым или М. В. Алексеевым. В случае сопротивления этому Николая II предполагалось низложить и его²²¹. К конспирации А. И. Гучкова были причастны, помимо М. В. Алексеева, его временный заместитель В. И. Гурко, главнокомандующие Юго-Западным и Северным фронтами А. А. Брусилов и Н. В. Рузский, генералы Н. И. Иванов, Л. Г. Корнилов, А. М. Крымов и другие офицеры, а также командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин и его сотрудники²²².

Кроме Ставки и штабов фронтов в конспирации А. И. Гучкова вне Петрограда участвовали служащие железных дорог между Ставкой и Царским Селом. Так, 23 февраля 1917 г. А. И. Гучков, будучи у Д. Л. Вяземского, заявил его родственникам, что добиться отречения Николая II надо «путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село», причем сообщил, что железнодорожники этого участка «были уже предупреждены и все сочувствовали заговору»²²³.

В конце 1916 – начале 1917 г. руководители ЦВПК вовлекли в подготовку государственного переворота, помимо военной элиты, придворную элиту в лице главных великих князей, чему способствовало убийство в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Г. Е. Распутина. Одним из организаторов убийства был Дмитрий Павлович, действовавший с ведома В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова и М. В. Родзянко. В ответ на постигшую убийц старца царскую опалу Андрей, Борис и Кирилл Владимировичи, контактирующие с А. И. Гучковым и М. В. Родзянко, планировали

²²¹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. С. 103; Письма чиновника А. А. Клопова царской семьи / Публ. Б. Д. Гальпериной, В. И. Старцева // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 208. Вырубов В. В. Воспоминания о корниловском деле / Публ. Н. В. Вырубова // Минувшее. 1993. Т. 12. С. 10–11; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 138; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 91.

²²² П. Г. Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А. М. Александрова // Крымский вестник. 1917. № 67 (9052); Родзянко М. В. Крушение империи. С. 158; Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгардена) / Публ. А. К. Дрезена // Красный архив. 1929. Т. 32. С. 34–35; Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: В 3-х т. М., 1935. Т. 3. С. 379; Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть советам. Воспоминания. М., 1957. С. 107; Верховский А. И. На трудном перевале. С. 158, 215; Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 269; Оболенский А. В. Моя жизнь. Мои современники. С. 102, 103; Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 140; Запись беседы с Н. Д. Соколовым... С. 96; Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 213; А. И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 200; № 11. С. 186; Ганелин Р. Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 164; Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Т. 2. С. 86; Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 117; Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г. М., 1995. С. 7; Запись беседы Б. И. Николаевского с А. Ф. Керенским... С. 270; Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. М., 1996. Т. 2. С. 283; Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. / Публ. В. В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 39; Юсупов Ф. Ф. Мемуары в 2-х кн. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 1998. С. 167; Столыпина А. П. Человек последнего царя. Столыпин // П. А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 109; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 266; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 99. См. также донесение капитана де Малейси (Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. М., 1986. С. 175).

²²³ Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 350, 351.

низложить Николая II и призывали Дмитрия Павловича возглавить для этого гвардейские части. Связи с А. И. Гучковым через своего пасынка, герцога С. Г. Лейхтенбергского, имел и Николай Николаевич. По поручению Г. Е. Львова, действовавшего с ведома А. И. Гучкова, в начале 1917 г. тифлисский городской голова А. И. Хатисов предложил Николаю Николаевичу свергнуть двоюродного племянника и сделаться регентом. В конце 1916 — начале 1917 г. о необходимости низложения Николая II заговорщики говорили герцогу А. Г. Лейхтенбергскому, А. И. Путилову и И. Х. Озерову — Гавриилу Константиновичу, М. И. Терещенко — Александру и Николаю Михайловичам, предлагая последнему готовиться в президенты Российской республики. Тесное общение с оппозиционерами поддерживал Михаил Александрович²²⁴. Имея поддержку со стороны военной и придворной элит, общественная контрэлита радикализировала свою тактику.

26. И переворот, и революция.

Союз общественной и революционной контрэлит в действии

Если бы в запланированном группой А. И. Гучкова государственном перевороте участвовали только военные и железнодорожники, то не удалось бы избежать гражданской войны, поскольку без давления на царя массового движения его отречение выглядело бы как результат верхушечного переворота. Поэтому не менее важным элементом плана А. И. Гучкова было приданье перевороту общественного характера путем организации через рабочую группу всеобщей забастовки и народных демонстраций в Петрограде. Цель А. И. Гучкова, согласно его примечательной оговорке, состояла не просто в «дворцовом перевороте», а в «дворцовой революции», подразумевавшей участие рабочих, т. е. представителей революционной контрэлиты. В сентябре 1916 г. руководители ЦВПК и члены рабочей группы полагали, что не позднее января 1917 г. начнется всеобщая забастовка, как

²²⁴ Пуришкевич В. М. Дневник: «Как я убил Распутина». Рига, 1924. С. 25; Родзянко М. В. Крушение Империи. С. 160, 161; Педжет — Э. Грею. 10 февраля 1917 г. // Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел / Под ред. М. Н. Покровского: В 2-х т. М., 1926. Т. 2. С. 171; Андрей Владимирович. Из дневника за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 189; Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 318; Берберова Н. И. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 41–43; Запись беседы с Н. Д. Соколовым // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990. С. 96; Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 221; А. И. Гучков рассказывает... С. 211; Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 187; Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне революции. С. 180, 191–192; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 51; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 12 января 1917 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии / Сост. А. Н. Боянов, Д. И. Исмаил-Заде. М., 1992. С. 181, 184; Бьюкенен М. Мемуары // Алексеева И. В. М. Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С. 155; «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне / Публ. Д. И. Исмаил-Заде // Источник. 1998. № 4. С. 21; Юсупов Ф. Ф. Мемуары в 2-х кн. С. 167; Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 174; Стиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 142. См. также: Лопухин В. Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 364; Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. С. 175 (донесение от 4 апреля 1917 г. представителя французской военной контрразведки в России капитана де Малейси).

«Революции неизменно идут сверху...»

первый этап революции²²⁵. По свидетельству Н. И. Иорданского, к «буржуазно-войной организации», готовившей государственный переворот, рабочая группа «не имела прямого доступа», но она «учитывалась заговорщиками, как удобный способ обеспечить действие заговору со стороны рабочих масс и как возможное орудие влияния на массы в направлении умеренности и аккуратности их выступлений»²²⁶.

С октября 1916 г. группа, протежирируемая А. И. Гучковым, а в его отсутствие — А. И. Коноваловым, занялась подготовкой петроградского пролетариата для «мятежных выступлений». При ней был образован особый «Рабочий центр», ядро которого составили виднейшие рабочие-социалисты. «Рабочий центр», руководимый группой, начал кампанию митингов по фабрикам и заводам Петрограда, призывая массы к поддержке Прогрессивного блока в его борьбе с императорским правительством. На подготовительных, более узких, собраниях, которые проходили в помещении группы, обсуждался характер будущих выступлений, подготавливались конспекты агитационных речей, для их последующего размножения, и рассматривались проекты резолюций рабочей группы. В конце октября 1916 г. группа направила в Думу революционную резолюцию, клеймившую «господство дворянско-бюрократической клики» и ставившую на повестку дня «коренную реорганизацию всей политической системы сверху донизу»²²⁷.

Сотрудничество общественной и революционной контрэлит обусловило революционизацию первой. В начале ноября 1916 г. Г. Е. Львов информировал М. В. Родзянко, что возникла группа, которая намерена «добиваться перемен в конструкции правительской власти и объединяющая русскую общественность». При этом Г. Е. Львов потребовал от депутатов «прямого выступления, граничащего с переходом на путь революционной борьбы»²²⁸. Таким переходом были речи, произнесенные думцами 1, 3 и 4 ноября 1916 г. и содержащие безосновательные обвинения власти в измене. Самая знаменитая из этих речей, речь П. Н. Милюкова, стала, по его собственному признанию, «штурмовым сигналом к революции». В конце 1916 г. Дума, вспоминал А. Ф. Керенский, «заговорила на языке революции»²²⁹.

ЦВПК обеспечивал координацию деятельности общественной и революционной контрэлит. По свидетельству Б. О. Богданова, листовки с речами депутатов и другие агитационные материалы на грузовиках ЦВПК развозились по фабрикам и заводам в «огромном количестве». На предприятиях проходили митинги, принимавшие антиправительственные резолюции, направлявшиеся в Думу, и выбирались комиссии содействия рабочей группе, задача которых состояла в установлении «тесной и постоянной связи» между нею и рабочими. «В такой обстановке, — вспоминал Б. О. Богданов, — неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах»²³⁰.

²²⁵ А. И. Гучков рассказывает... С. 205. Ср.: Политическое положение России... С. 14, 28; Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников. 20 сентября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 139, 140.

²²⁶ Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. С. 170.

²²⁷ Маевский Е. Предисловие. С. 6, 7; Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 151–152; Заявление Рабочей группы ЦВПК в Государственную думу. Конец октября 1916 г. // Меньшевики... С. 437–438. Ср.: К истории гвоздевщины... С. 88.

²²⁸ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 174, 175, 176, 177.

²²⁹ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 92.

²³⁰ Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 198, 200. Ср.: К истории гвоздевщины... С. 90, 91–92; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 284, 305.

В конце 1916 г. руководители ЦВПК открыто взяли курс на революцию, впервые провозгласив лозунг «Временного революционного правительства». На проходившем 12–15 декабря 1916 г. под председательством А. И. Коновалова совещании представителей областных военно-промышленных комитетов очередной задачей комитетов, по предложению рабочей группы ЦВПК, была объявлена «не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны», а также создание «Временного правительства, опирающегося на организующийся, самодеятельный и свободный народ». Очевидно, что декабрьская резолюция имела в виду революцию. Революционной деятельности рабочей группы покровительствовали руководители ЦВПК, и прежде всего А. И. Коновалов, а потому Бюро ЦВПК поддержало резолюцию²³¹. В связи с этим активизировалась деятельность рабочей группы по подготовке массового движения в Петрограде.

В декабре 1916 г. заседания группы привлекали до 500 рабочих и играли «огромную будирующую роль»²³². С одобрения руководителей ЦВПК 19 декабря 1916 г. рабочая группа рассмотрела вопрос об организации на петроградских фабриках и заводах политических митингов с тем, чтобы завершить их 12 января 1917 г., в день открытия Думы, всеобщей забастовкой. Для реализации этого плана рабочая группа приняла другую революционную резолюцию, которой подразумевались «немедленное и решительное преобразование существующего строя» и «организация опирающегося на народ, на Думу, на все существующие общественные, рабочие и демократические организации правительства “спасения страны”». Приведенная резолюция способствовала революционизации рабочего движения, поскольку даже большевик А. Г. Шляпников признал, что на заводах она «была принята»²³³. Ключевым пунктом разработанного руководителями ЦВПК плана государственного переворота являлось участие в нем Думы. На совещании общественных деятелей 30 декабря 1916 г. А. И. Гучков и его соратники решили, что в случае роспуска Думы ее большинство объявит роспуск недействительным, и заседания народного представительства продолжатся в Москве или ее окрестностях, на даче А. И. Коновалова²³⁴. В Феврале 1917 г. Дума, хотя и неофициально, на самом деле признала недействительность перерыва своих занятий.

27. Созревший плод. Конфигурация и цели конспирации А. И. Гучкова

К концу декабря 1916 – началу января 1917 г. приготовления к осуществлению плана революции, разработанного группой А. И. Гучкова, были закончены. «Этот переворот, — объявил Гучков после его победы, — явился зертым плодом, упавшим с

²³¹ Резолюции рабочей делегации на Совещании областных военно-промышленных комитетов. 12–15 декабря 1916 г. // Меньшевики... С. 442, 443. Ср.: Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. № 14731; В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова / Публ. П. Е. Щеголева // Былое. 1918. № 13. С. 94; Рафес М. Г. Мои воспоминания. С. 179.

²³² Там же. С. 179.

²³³ В январе и феврале 1917 г. ... С. 94; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 29, 30; Резолюция, предложенная рабочей группой ЦВПК для принятия на рабочих собраниях. Декабрь 1916 г. // Меньшевики... С. 453.

²³⁴ Записка Петроградского охранного отделения о настроении буржуазии после разгона декабрьских съездов. 5 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 165.

«Революции неизменно идут сверху...»

дерева»²³⁵. Характерно, что на рубеже 1916–1917 гг. революцию ожидали деятели самых разных политических ориентаций²³⁶. В начале января 1917 г. А. И. Гучков сообщил английскому послу Д. У. Бьюкенену, что «перед Пасхой», т. е. до 2 апреля 1917 г., «должна произойти революция» длительностью «не больше двух недель». Тогда же о близости государственного переворота Г. Е. Львов говорил общественным деятелям, а М. И. Терещенко — великому князю Николаю Михайловичу²³⁷. Как известно, Февральская революция произошла именно до Пасхи и длилась около полутора недель (с 23 февраля по 3 марта 1917 г.). Первоначально государственный переворот намечался на 15 января, а затем на 8 февраля 1917 г.²³⁸, причем перенос его сроков объяснялся тем, что переносилось открытие сессии Думы, которая во время переворота должна была сыграть одну из центральных ролей.

К началу 1917 г. А. И. Гучков и его соратники по ЦВПК стояли во главе комбинированной и многоуровневой конспирации, объединявшей представителей общественной и революционной контрэлит (депутаты Думы от прогрессивных националистов до меньшевиков, члены Государственного совета и рабочая группа) и военной и придворной элит (чины Петроградского гарнизона, Ставки и фронтовых штабов и великие князья)²³⁹. Следование тезису об антагонизме между буржуазией и дворянством и между ними и пролетариатом не позволило увидеть советским историкам, что к началу 1917 г. противостояние царизму, если использовать их термины, объединило буржуазию, дворянство и пролетариат.

Конечной целью конспирации, известной только ее руководителям, являлось вынуждение Николая II путем революции к отречению в пользу не цесаревича Алексея Николаевича, а великого князя Михаила Александровича. Вызвано это было тем, что при подготовке государственного переворота А. И. Гучков действовал в тесном контакте с республиканцами — Н. В. Некрасовым и М. И. Терещенко, связанными по масонской линии с А. Ф. Керенским²⁴⁰. Он и его единомышленники,

²³⁵ Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 18.

²³⁶ Записка Петроградского охранного отделения о Государственной думе // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 161, 162; *Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне революции*. С. 189.

²³⁷ Показания А. И. Гучкова... С. 261, 279; Показания П. Н. Милюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.; Л., 1927. С. 350; *Николай Михайлович. Записки / Публ. А. А. Сергеева // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 102, 103; Бьюкенен Д. У. Мемуары дипломата*. М., 1991. С. 198; *Бурышкин П. А. Москва купеческая*. М., 1991. С. 293; *Полнер Т. И. Жизненный путь князя Г. Е. Львова*. С. 321–322. Ср.: *Сторожев В. Н. Дипломатия и революция // Вестник НКИД. 1920. № 4–5. С. 80; Лаверчев В. Я. По ту сторону баррикад*. С. 161, 170.

²³⁸ *Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. С. 162–163; Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 155, 157; Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. С. 477.*

²³⁹ В январе и феврале 1917 г. ... С. 116; Показания П. Н. Милюкова... С. 350; *Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. Кн. 1. С. 170; Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 187; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 51; Савич Н. В. Воспоминания. С. 210, 212, 290; Соколов Н. А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / Сост. Л. А. Лыкова // Российский архив. 1998. Т. 8. С. 242–243; Юсупов Ф. Ф. Мемуары в 2-х кн. С. 167; Полнер Т. И. Жизненный путь князя Г. Е. Львова. С. 321–322. См. также донесение капитана де Малейси (*Соловьев О. Ф. Обреченный альянс... С. 175*).*

²⁴⁰ Записка Петроградского охранного отделения о течениях внутри партии к.-д. накануне Февральского переворота (агентура «Туманский»). 12 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 176; *Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3-х т. М., 1991. Т. 1. С. 192*.

а также левые кадеты во главе с Н. В. Некрасовым рассматривали Михаила как наиболее подходящего преемника Николая II²⁴¹. Отречение в пользу брата Николая II, а не его сына, было выгодно республиканцам, поскольку Михаил являлся совершеннолетним и находился в контакте с оппозицией²⁴². Передача престола ему создавала легальную предпосылку для немедленного введения республики путем вынуждения Михаила к добровольному отречению «в пользу народа», т. е. Учредительного собрания, запланированного диспозицией № 1. Даже добровольное отречение Алексея из-за его несовершеннолетия силы бы не имело.

Сделав ставку на республиканцев, А. И. Гучков должен был согласиться и с их кандидатом, исходя из того, что, дабы «избежать гражданской войны», необходимо «создать комбинацию», при которой все политические факторы «согласились бы на эту комбинацию»²⁴³. Добиться указанных целей группа А. И. Гучкова планировала при помощи массового движения петроградских рабочих. Именно в начале 1917 г. А. И. Гучков и его соратники хотели сделаться «вождями» «анархически-стихийной революции», что неудивительно, поскольку в тот период за революцию высказывались не только левые, но и правые деятели, причем и те, и другие являлись сторонниками не просто «дворцового переворота», а именно «бескровной революции». «Революционерами, — вспоминал в связи с этим А. Ф. Керенский, — стали люди, от которых никак нельзя было ожидать этого»²⁴⁴.

28. Деньги на революцию.

Финансовые аспекты союза общественной и революционной контрэлит

К организации рабочего движения группа А. И. Гучкова привлекла представителей крупной промышленной буржуазии, поскольку только один Петроградский областной военно-промышленный комитет объединял 241 предприятие²⁴⁵. «Свои упования» руководители ЦВПК возлагали также на «могущественный класс промышленников»²⁴⁶. Основание для подобных упоминаний давало то, что многие директора столичных заводов были сторонниками либеральной оппозиции и даже, как, например, Л. Б. Красин, революционных партий. Не случайно, что в 1916 г. в Петрограде рабочее движение встречало сочувствие со стороны заводской администрации²⁴⁷.

²⁴¹ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 236; Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 31.

²⁴² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 147; Верховский А. И. На трудном перевале. С. 156; Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 260; Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне революции. С. 26; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 135.

²⁴³ Показания А. И. Гучкова... С. 273. Ср.: Запись беседы с Н. Д. Соколовым... С. 97.

²⁴⁴ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174; Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России... С. 386; Соколов Н. А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. С. 242–243. Ср.: Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.: В 2-х ч. М., 1995. С. 7; Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. / Публ. Б. Д. Гальпериной, В. В. Поликарпова // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 30.

²⁴⁵ Личный состав военно-промышленных комитетов... С. 85, 86–87.

²⁴⁶ В январе и феврале 1917 г. ... С. 117.

²⁴⁷ Боголепов С. Заметки о «технике» Петербургского комитета РСДРП большевиков (по воспоминаниям) // Красная летопись. 1924. № 1. С. 148, 149, 150; Виноградов В. П.

«Революции неизменно идут сверху...»

В начале 1917 г. промышленники и финансисты, ориентировавшиеся на оппозицию, как и она, резко полевели. В феврале этого года директора заводов из числа сторонников Думы организовывали забастовки, закрывая свои предприятия, и рабочим, свидетельствовал один из них, «волей-неволей приходилось бастовать»²⁴⁸. Представители предпринимательской элиты поддерживали рабочее движение не только организационно, но и финансово. В 1916–1917 гг. на подготовку революции они собрали по подписке «десятки миллионов рублей». Главными жертвователями являлись М. И. Терещенко (давший миллион рублей), А. И. Коновалов, А. А. Котельников и граф А. А. Орлов-Давыдов²⁴⁹. Подразумевая революцию 1905–1907 гг., М. В. Новорусский писал, что

«строить баррикады и устилать улицы своими трупами — было всегда исконной привилегией четвертого сословия всех народов. Этот наружный факт еще ничего не говорит о внутренних пружинах. И когда речь идет о революционных организациях, дальновидные люди никогда не забывают, что ни богатство духа, ни избыток героизма в них не могут сделать их деятельными, если иссякли питавшие их денежные ресурсы, и если остыло широкое сочувствие влиятельных общественных сил»²⁵⁰.

Несомненно, что выводы М. В. Новорусского о роли денег в Первой революции весьма актуальны и при изучении Февральской революции, произошедшей при финансовой поддержке не столько Германии, на что указывал Г. М. Катков, а вслед за ним — и другие историки, сколько русской буржуазии, на что не указывал ни один историк. Непосредственную подготовку массового движения вела рабочая группа ЦВПК.

29. Рабочая группа и Дума. Подготовка демонстрации 14 февраля 1917 г.

В начале 1917 г. члены рабочей группы действовали под влиянием А. И. Гучкова и других руководителей ЦВПК, верили в их «силу» и признавали, что именно они дадут «решительный сигнал к началу второй великой и последней всероссийской

Красная гвардия Петроградского металлического завода (Воспоминания) // Красная летопись. 1927. № 2. С. 162; Мильчик И. И. Рабочий Февраль. С. 39; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 129–130.

²⁴⁸ Кондратьев Т. К. Воспоминания о подпольной работе // Красная летопись. 1923. № 7. С. 63; Записка Петроградского охранного отделения об оценке момента кадетами (агентура «Туманский»). 6 февраля 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 178; Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России... С. 385–386; Листовка рабочей группы ЦВПК о политическом положении в стране. Начало февраля 1917 г. // Меньшевики... С. 466.

²⁴⁹ Записка Петроградского охранного отделения о настроении буржуазии после разгона декабряских съездов. 5 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 165; Запись беседы с Н. С. Чхеидзе // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. С. 88; Мансуров С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост. С. М. Исхаков. М., 1991. С. 97; Савич Н. В. Воспоминания. С. 211, 290; Войков В. Н. С царем и без царя. С. 111. Ср.: Лопухин В. Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 397.

²⁵⁰ Новорусский М. В. Из размышлений в Шлиссельбурге // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 308.

революции»²⁵¹. С 5 января 1917 г. по инициативе рабочей группы на петроградских заводах проводились митинги, заканчивавшиеся вынесением резолюций, адресованных Думе и требовавших от нее «вступления на путь решительной борьбы с властью». В это время члены рабочей группы заявили себя сторонниками всеобщей забастовки, переходящей в революцию, в связи с чем 9 января группа выдвинула «лозунги, направленные против царского самодержавия»²⁵². Тогда же члены группы провоцировали депутатов на неподчинение царскому указу о переносе начала думской сессии с 12 января на 14 февраля 1917 г.²⁵³

Следующим этапом подготовки массового движения стало выдвижение А. И. Гучковым, А. Ф. Керенским и их соратниками идеи всеобщей забастовки, переходящей в демонстрацию рабочих к Думе²⁵⁴. Историки, вслед за П. Н. Милюковым, утверждали, что идея демонстрации была провокацией, поскольку ее поддерживал член рабочей группы меньшевик В. М. Абросимов, являвшийся прокурором. Однако он не имел к этому никакого отношения, поскольку, подчеркивал ее секретарь Е. Маевский, играл в группе второстепенную роль, а потому идею демонстрации нельзя считать провокацией²⁵⁵.

На заседании 16 января 1917 г. рабочая группа решила устроить ко времени открытия думской сессии митинги на петроградских заводах для ознакомления рабочих с выработанной группой очередной революционной резолюцией. Резолюция призывала «весь рабочий Петроград» пойти 14 февраля к Думе и высказывалась за «решительное устранение самодержавия» и «немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ». То же самое говорилось и в проекте примерной заводской резолюции, с 24 января распространявшемся по столице в виде листовки, так что рабочим оставалось только вставить название своего предприятия в текст проекта²⁵⁶.

По свидетельству Б. О. Богданова, для подготовки демонстрации и руководства ею в помещении ЦВПК на Литейном проспекте была создана «большая

²⁵¹ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля...; Записка (без №) об общественных настроениях в связи с отсрочкой созыва Государственной думы; Записка Петроградского охранного отделения о возвзвании к общественным организациям по поводу ареста рабочей группы (агентура «Шаров»). 2 февраля 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174, 184.

²⁵² Маевский Е. Предисловие. С. 8; Записка (без №) об общественных настроениях в связи с отсрочкой созыва Государственной думы // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 172, 173, 175; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 29.

²⁵³ Беседа с членом Государственной думы Н. И. Нечаевым...; В январе и феврале 1917 г. ... С. 103; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 29.

²⁵⁴ В январе и феврале 1917 г. ... С. 116, 119; Показания А. Д. Протопопова... С. 89; Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России. С. 390; Протопопов А. Д. Предсмертная записка. С. 562.

²⁵⁵ Маевский Е. Предисловие. С. 11; Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 28; Гиппус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919 // Живые лица. Стихи. Дневники: В 2-х кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 278.

²⁵⁶ В январе и феврале 1917 г. ... С. 103; Обращение Совещания организованных рабочих социал-демократов Петрограда к рабочим всех фабрик и заводов города. Первая половина января 1917 г.; Проект резолюции, предложенной рабочей группой ЦВПК для обсуждения в рабочих коллективах по поводу демонстрации в день открытия сессии Государственной думы. Вторая половина января 1917 г. // Меньшевики... С. 454, 455, 456, 457, 460, 461; Денике Ю. П. Б. О. Богданов в начале 1918 г. // Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. С. 221.

группа», называвшаяся также «штаб» или «пропагандистская коллегия». В нее входили около 50 человек, как меньшевики, так и беспартийные, являвшиеся представителями крупнейших предприятий столицы. В заводских районах Петрограда «штаб» образовал ячейки, через которые осуществлялась вербовка и организация будущих демонстрантов и поддерживалась «связь с центром». Готовя демонстрацию, рабочая группа, отмечал Е. Маевский, «отнюдь не приурочивала этого движения к какому-либо дню», рассчитывая «на разные моменты в течение всей сессии»²⁵⁷. Следовательно, группа могла запланировать массовое движение не только на 14 февраля, но и, скажем, на 23 февраля, когда началась Февральская революция. Демонстрация 14 февраля стала репетицией демонстраций 23–26 февраля.

В январе 1917 г. деятельность рабочей группы, в связи с подготовкой демонстрации, окончательно приобрела открыто революционный характер. Мнение Департамента полиции, что группа готовит революцию, подтверждали ее лидеры и сторонники, в частности Б. О. Богданов и М. В. Новорусский²⁵⁸. Неудивительно, что 27 января 1917 г. большинство членов группы были арестованы по инициативе А. Д. Протопопова и ордеру командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова. На свободе оставались три члена, в том числе В. М. Аброрсимов, арестованный перед самой революцией.

А. И. Гучков и А. И. Коновалов уговорили С. С. Хабалова и премьера Н. Д. Голицына, относившегося к А. Д. Протопопову отрицательно, не арестовывать К. А. Гвоздева, который пользовался близостью к А. И. Гучкову. Под его покровительством председатель рабочей группы мог по-прежнему руководить мобилизацией пролетариата. Поэтому агитация на заводах сторонников рабочей группы за проведение демонстрации 14 февраля, «решительное устранение» существовавшего режима и «установление Временного правительства» продолжалась. А это значит, что продолжалась и подготовка революции, которую группа вела «при участии многих заводских представителей». По свидетельству М. В. Новорусского, в подготовке революции группе принадлежало «одно из самых видных мест»²⁵⁹. Координацию деятельности общественной и революционной контрэлит по организации государственного переворота осуществляли руководители ЦВПК.

²⁵⁷ Маевский Е. Предисловие. С. 12; В январе и феврале 1917 г. ... С. 109; Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 198, 200.

²⁵⁸ Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 29; Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля... С. 179; Мильчик И. И. Рабочий Февраль. С. 52; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 31; Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний. С. 198, 200; Денике Ю. П. Б. О. Богданов в начале 1918 г. С. 221.

²⁵⁹ От ЦВПК // Канун революции... С. 101; Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 29; Рафес М. Г. Мои воспоминания. С. 180; Показания А. И. Гучкова... С. 286–287; Корреспонденция в «Осведомительный листок» Бюро ЦК РСДРП № 2, февраль 1917 г. // Большевики в годы империалистической войны. 1914–февраль 1917. Сб. док. местных большевистских организаций / Под ред. О. Н. Чаадаевой. М., 1939. С. 174; Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 39; Листовка рабочей группы ЦВПК о политическом положении в стране. Начало февраля 1917 г. // Меньшевики... С. 464, 465; Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 109.

30. ЦВПК и Дума.

Последние решения лидеров общественной контрэлиты

Арест А. Д. Протопоповым рабочей группы подвигнул А. И. Гучкова и его соратников к окончательному выбору в пользу революции. После ее победы А. И. Гучков иронически заметил, что «почетным членом русской революции мы должны были бы избрать А. Д. Протопопова»²⁶⁰. В ответ на арест А. И. Гучков созвал совещание деятелей Прогрессивного блока, которое состоялось 29 января 1917 г. в помещении Вещевого отдела ЦВПК под его председательством. Целью совещания была «выработка общего плана действий в борьбе с правительственною властью». В качестве мер внезаконной борьбы участники совещания предлагали устроить демонстрацию рабочих к Думе и объявить длительную всеобщую забастовку. В заключение совещания присутствующие высказались единогласно за необходимость созыва нового совещания для того, чтобы «выработать путь для общей и более решительной борьбы с ныне существующей правительственною властью» и «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности»²⁶¹.

Новое совещание состоялось 5 февраля 1917 г. снова в помещении ЦВПК и под председательством А. И. Гучкова. Судя по всему, именно на этом совещании говорилось о «программе на случай революционных событий», подразумевавшей замену Николая II Алексеем Николаевичем, регентство Михаила Александровича и создание правительства во главе с Г. Е. Львовым. Как сообщил А. И. Гучков А. П. Столыпиной, в феврале 1917 г., незадолго до революции, был создан «комитет по подготовке мятежа». В него вошли А. И. Гучков, А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов и «многие другие». Тогда же, по воспоминаниям П. П. Менделеева, во время обеда, на котором присутствовали около 40 членов законодательных палат, в том числе и А. И. Гучков, мыслью о перевороте были проникнуты «все собравшиеся, все сказанное»²⁶².

Наконец, 9 февраля 1917 г. в кабинете М. В. Родзянко произошло совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК с участием генералов А. М. Крымова и Н. В. Рузского. «Самым неумолимым и резким» по отношению к Николаю II, вспоминал М. В. Родзянко, оказался М. И. Терещенко. Участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя». Поэтому, когда царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься»²⁶³. Очевидно, речь шла о плане А. И. Гучкова. Из своего решения участники совещания не делали особого секрета. На следующий день М. В. Родзянко говорил Николаю II, что «не пройдет трех недель», как «вспыхнет революция», которая

²⁶⁰ Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 18.

²⁶¹ В январе и феврале 1917 г. ... С. 117; Доклад Петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы. 31 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 184; Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 24.

²⁶² Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля... С. 180; Запись беседы с П. Н. Милюковым. 8 января 1927 г. // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. С. 92; Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 244; Столыпина А. П. Человек последнего царя. Столыпин. С. 108. Ср.: Ганелин Р. Ш. Материалы по истории Февральской революции... С. 162–163.

²⁶³ Родзянко М. В. Крушение Империи. С. 158; Запись беседы с Н. Д. Соколовым... С. 95–96; Врангель П. Н. Записки. С. 19, 20; Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 350. Ср.: Савич Н. В. Воспоминания. С. 177, 178.

«Революции неизменно идут сверху...»

«сметет» императора. В середине февраля о завершении подготовки переворота М. В. Родзянко сказал депутату Г. А. Шечкову и генералу В. И. Гурко. В начале февраля Г. Е. Львов и М. В. Челноков сообщили лорду А. Мильнеру, что «революция вспыхнет» «в течение трех недель». В феврале А. И. Гучков и его соратники были уверены в неизбежности «назревшего переворота»²⁶⁴.

Первой пробой сил конспираторов из ЦВПК стали состоявшиеся 14 февраля в Петрограде забастовки и демонстрации, организованные оставшимися на свободе членами рабочей группы и ее сторонниками. Демонстрацию к Таврическому дворцу организаторы движения отменили по тактическим соображениям, не желая подставлять под удар Думу, а также потому, что революционные организации в то время были не готовы к «решительному выступлению»²⁶⁵. Впоследствии, 23–26 февраля, демонстранты направлялись не к Государственной, а к Петроградской городской думе на Невском проспекте.

31. Заклинатели стихии. ЦВПК и массовые выступления 23–26 февраля 1917 г.

Воплощению плана А. И. Гучкова мешало и то, что Николай II оставался в Царском Селе, между тем как план подразумевал остановку императорского поезда в пути. Условия для этого возникли 22 февраля 1917 г., когда царь поехал в Ставку по просьбам М. В. Алексеева и великих князей Александра Михайловича и Михаила Александровича, общавшихся с А. И. Гучковым, Г. Е. Львовым, М. В. Родзянко и М. И. Терещенко²⁶⁶. Формальным поводом для революции по-

²⁶⁴ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля... С. 174. Ср.: Записка Петроградского охранного отделения о настроениях в обществе накануне открытия Государственной думы (агентура «Парвус»). 29 января 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 169. Ср.: Допрос М. В. Родзянко // Падение царского режима... Т. 7. М.; Л., 1927. С. 163; *Брюс Локкарт Р. Г. История изнутри. Мемуары британского агента*. М., 1991. С. 151; *Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года*. Т. 2. С. 59; *Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода*. Т. 2. С. 86 (ср.: *Ганелин Р. Ш. Материалы по истории Февральской революции...* С. 164). См. также: *Дневник З. В. Араповой // РО РГБ*. Ф. 12. Папка 1. Д. 9. Л. 85–87.

²⁶⁵ Полугодовщина революции. Торжественное заседание Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов // *Биржевые ведомости*. 1917. № 16410; *Гиппий З. Н. Петербургские дневники*. С. 278; Выступление М. И. Скобелева. 15 февраля 1917 г. // Государственная дума. 1906–1917... Т. 4. С. 271; *Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте*. С. 169–170. Ср.: В январе и феврале 1917 г. ... С. 120; *Юренев И. Межрайонка (1911–1917) // Пролетарская революция*. 1924. № 25. С. 130, 133; В Петрограде накануне Февральской революции (В освещении Петроградского охранного отделения) / Публ. К. П. // *Красная летопись*. 1927. № 1. С. 43; *Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года*. Т. 2. С. 37. Ср.: *Каррик В. В. Война и революция. Записки 1914–1917 г. // Голос минувшего*. 1918. № 7–9. С. 56; *Февральская революция и охранное отделение // Былое*. 1918. № 29. С. 160; Записка Петроградского охранного отделения о воззвании к общественным организациям по поводу ареста рабочей группы (агентура «Шаров»). 2 февраля 1917 г.; Записка Петроградского охранного отделения о правительственном кризисе и начале массовых выступлений (агентура «Рутинцев»). 13 февраля 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции... С. 185, 186.

²⁶⁶ Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 6. С. 388; *Вырубова А. А. Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания*. М., 1990. С. 197; *Воейков В. Н. С царем и без царя*. С. 120; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // *Российский императорский дом...* С. 187.

служили недопоставки продовольствия, виновником которых, по мнению помощника начальника Канцелярии Совета министров А. С. Путилова, являлся управляющий делами Особого совещания по продовольствию Н. А. Гаврилов. Он и его подчиненные были связаны с «оппозиционными кругами» и вместе с ними сознательно вели продовольственное дело с таким расчетом, чтобы «непременно вызвать на этой почве недовольство широких масс рабочего населения»²⁶⁷.

Маховик Февральской революции оказался запущенным непосредственно после отъезда Николая II. Осведомленные современники считали, что ее события имели спровоцированный характер, и 22–23 февраля начал приводиться в исполнение «заранее выработанный план»²⁶⁸. По признанию А. И. Гучкова и его соратников, они наметили переворот на 1 марта 1917 г., когда Николай II собирался выехать из Ставки. Но именно 2 марта он отрекся от престола. Показательно также, что вечером 23 февраля офицеры, бывшие в гостях у П. П. Коцебу, говорили, что царь «никогда не вернется из Ставки»²⁶⁹.

Победа революции стала следствием как натиска революционеров, так и уступчивости монархистов. В конце февраля — начале марта 1917 г. бюрократическая элита, поддерживаемая военной и придворной элитами, приложила все усилия к тому, чтобы добиться компромисса с общественной контрэлитой, создав условия для немедленного введения парламентаризма²⁷⁰. Тщетность этих усилий была предопределена не противодействием им со стороны Николая II, который в конце февраля согласился создать «министерство доверия», а 1 марта — «ответственное министерство», но революционизацией оппозиционеров, тем, что союзу с бюрократической элитой общественная контрэлита предпочла союз с революционной контрэлитой, доказательством чего и является главная роль, сыгранная в ходе Февральской революции ЦВПК.

Согласно признаниям Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко, революцией руководила «небольшая кучка людей» в пять человек²⁷¹, т. е., судя по всему, гучковская пятерка, план которой предусматривал использование массового движения для

²⁶⁷ Путилов А. С. Период князя Н. Д. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 49 об. Ср.: Показания А. Д. Протопопова... С. 74.

²⁶⁸ Беседа с членом Государственной думы Н. И. Нечаевым...; Лодыженский А. А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 85; Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 347, 350, 351, 368; Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 61.

²⁶⁹ Верховский А. И. На трудном перевале. С. 228; Оболенский А. В. Моя жизнь. Мои современники. С. 103; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 79 (показания М. И. Терещенко); Запись беседы Б. И. Николаевского с А. Ф. Керенским... С. 270; Ден Ю. А. Подлинная царица // Ден Л. Подлинная царица. Воррес Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 89–90; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 100.

²⁷⁰ См. об этом: Кулаков С. В. К предыстории Гражданской войны в России. Высшие военные власти Петрограда 23–28 февраля 1917 г. // Гражданские войны в истории человечества: общее и частное. Докл. всерос. науч. конф. (15–16 ноября 2003 г.). Екатеринбург, 2004; Кулаков С. В. «Справедливое возмездие государю». Назначенные члены Государственного совета в кон. февраля — нач. марта 1917 г. // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сб. ст. СПб., 2004; Кулаков С. В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиамента» // Россия XXI. 2004. № 4; Кулаков С. В. Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. 2005. № 7: Технология власти.

²⁷¹ Министр Н. В. Некрасов в Москве // Утро России. 1917. № 75; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 79 (показания М. И. Терещенко).

«Революции неизменно идут сверху...»

давления на Николая II. Забастовки и демонстрации в Петрограде были организованы не только снизу, но и сверху, чтобы «показать силы революционеров» и доказать императору «безвыходность положения и тем принудить его к отречению»²⁷². В день отъезда Николая II, 22 февраля, связанный с А. И. Гучковым начальник Путиловского завода генерал А. А. Маниковский произвел локаут, приведший к началу всеобщей забастовки. Развитию забастовки содействовали руководители заводов, закрывавшие предприятия под предлогом недостатка топлива и сырья. Бастующие рабочие встречали сочувствие со стороны заводской администрации и, по сведениям Д. У. Бьюкенена, «получили вознаграждение»²⁷³.

Забастовки и демонстрации рабочих, проходившие в Петрограде 23–26 февраля, были организованы руководителями ЦВПК. М. И. Терещенко сообщил В. П. Литвинову-Фалинскому 23 февраля, подразумевая, видимо, членов гучковской пятерки, что «мы дадим приказ рабочим выходить на улицу»²⁷⁴. При этом руководители ЦВПК использовали сторонников рабочей группы, в которых манифестанты видели своих руководителей²⁷⁵.

К эскалации массового движения привело открывшееся 25 февраля при поддержке М. В. Родзянко и под председательством К. А. Гвоздева совещание представителей военно-промышленных комитетов, формально посвященное продовольственному вопросу. В 8 часов вечера, с разрешения А. И. Гучкова, в помещении ЦВПК

²⁷² Иностранные дипломаты о революции 1917 г. ... С. 121; Оболенский А. В. Моя жизнь. Мои современники. С. 104.

²⁷³ Гаврилов И. Г. На Выборгской стороне в 1914–1917 гг. // Красная летопись. 1927. № 2. С. 52; Мильчик И. И. Рабочий Февраль. С. 61; Бьюкенен Д. У. Мемуары дипломата. С. 204; Зензинов В. М. Февральские дни // Октябрьский переворот. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. М., 1991. С. 106; Шульгин В. В. Дни. С. 121; Выступление А. Ф. Керенского. 23 февраля 1917 г. // Государственная дума. 1906–1917... С. 321; Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 347, 350; «Протокол событий» Февральской революции. 27 февраля — 4 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 г. Сб. док. и мат. / Сост., пред. и прим. О. А. Шашковой. М., 1996. С. 110.

²⁷⁴ Родзянко Е. Ф. Добавление к книге «Крушение Империи» М. В. Родзянко // Родзянко М. В. Крушение Империи. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Нью-Йорк, 1986. С. 337.

²⁷⁵ Маевский Е. Предисловие. С. 12; Февральская революция и охранное отделение... С. 171; Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 29; В Петрограде накануне Февральской революции... С. 44; Допрос генерала С. С. Хабалова. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 188; Марков И. Как произошла революция (запись рабочего) // Воля России. 1927. Вып. 3. С. 96; Мильчик И. И. Рабочий Февраль. С. 60–61, 67–68; Михайлов И. К. Агитация против войны // В годы подполья. Сб. воспоминаний. 1910 – февраль 1917 г. М., 1964. С. 296; Тайми А. П. Среди рабочих и солдат Петрограда // Там же. С. 350; Гарви П. А. Профсоюзы и кооперация после революции. Нью-Йорк, 1989. С. 12–13; Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка / Публ. В. Г. Бортневского, В. Ю. Черняева. Вступ. ст. и comment. В. Ю. Черняева // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 26, 41; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 55, 56, 62; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 73–74, 101, 103; Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 354; Донесение начальника Петроградского охранного отделения директору Департамента полиции генералу Васильеву о событиях в столице. 24 февраля 1917 г. // Февральская революция 1917 г. ... С. 28; Протопопов А. Д. Предсмертная записка. С. 562; Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 61; Столыпина А. П. Человек последнего царя. Столыпин. С. 108.

оставшиеся на свободе члены рабочей группы устроили собрание, на котором, согласно показаниям С. С. Хабалова, присутствовали «человек 50», а также А. Ф. Керенский и М. И. Скобелев. Очевидно, что это был «штаб», созданный группой для подготовки демонстрации 14 февраля и использовавшийся 23–25 февраля А. И. Гучковым и К. А. Гвоздевым для организации массового движения, вследствие чего по приказу А. Д. Протопопова полиция прекратила собрание и арестовала членов группы и других его участников. Остальные рабочие пошли в Петроградскую городскую думу, где в ночь с 25 на 26 февраля проходил митинг оппозиционной общественности, на котором рабочий Самодуров заявил, что лишь «тогда наступит успокойение, если современная правительственная система будет вырвана с корнем»²⁷⁶.

Несмотря на столь революционные настроения участников собрания в ЦВПК, Совет министров, идя навстречу оппозиции, предписал А. Д. Протопопову отпустить большинство из арестованных. Ярко выраженное стремление бюрократической элиты пойти на уступки общественной контролите, прежде всего по вопросу о введении парламентаризма, проявилось 26 февраля во время переговоров министров с лидерами Прогрессивного блока. Один из них, В. А. Маклаков, последние перед переговорами инструкции получил от М. И. Терещенко, с подачи которого В. А. Маклаков посоветовал кабинету прервать занятия Государственной думы. Н. Д. Голицын учел совет В. А. Маклакова и с 27 февраля прервал думские занятия, что вызвало взрыв общественного недовольства и отказ Думы от соглашения с правительством²⁷⁷. Осознанно (в случае с М. И. Терещенко) или неосознанно (в случае с В. А. Маклаковым), но даже уступчивость министров была использована против них самих для дальнейшей революционизации оппозиции, поскольку целью руководителей ЦВПК являлась не реформа, а революция. Когда вечером 26 февраля В. А. Маклаков рассказал о встрече с министрами А. И. Коновалову, он воскликнул: «Что вы делаете? На фабриках сейчас происходят выборы депутатов. Мы накануне революции, а вы ее хотите сорвать»²⁷⁸. Этапом революции, с точки зрения руководителей ЦВПК, было солдатское восстание.

В ночь с 26 на 27 февраля, по сведениям Н. И. Иорданского, члены «военной организации» ЦВПК «приняли последние решения и наметили первые выступления», результатом чего и стало начавшееся 27 февраля восстание полков Петроградского гарнизона. «Общая наметка первоначальных операций», указывал Н. И. Иорданский, была известна «небольшой части солдат», которая «находилась в сношениях с заговорщиками и имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени». Каждый солдат, вовлеченный в «военную организацию», получал из «революционного фонда» ежедневно по 25 рублей²⁷⁹.

²⁷⁶ Допрос генерала С. С. Хабалова... С. 194; Гибель царского Петрограда... С. 42; Донесение начальника Петроградского охранного отделения в МВД о событиях в Петроградской городской думе 25 февраля 1917 г.; Донесение Петроградского охранного отделения в МВД о заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 25 февраля 1917 г.; Донесение начальника Петроградского охранного отделения в МВД о событиях в столице. 26 февраля 1917 г. // Февральская революция 1917 г. ... С. 55, 56, 58, 60.

²⁷⁷ Маклаков В. А. Канун революции // Новый журнал. 1946. Кн. 14. С. 311. Подробнее об этом см.: Куликов С. В. Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. 2005. № 7: Технология власти.

²⁷⁸ Маклаков В. А. Канун революции. С. 312.

²⁷⁹ Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. С. 170, 171. Ср.: Оболенский А. В. Моя жизнь. Мои современники. С. 102; Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия. С. 354; Милоков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 39, 41. См. также:

«Революции неизменно идут сверху...»

32. Звездные часы гучковской пятерки. ЦВПК между общественной и революционной контрэлитами

Решающий день революции, 27 февраля, стал таковым во многом благодаря руководителям ЦВПК, которые координировали действия общественной и революционной контрэлит. Ранним утром Н. В. Некрасов уже присутствовал в Таврическом дворце, приглашая туда по телефону депутатов. Около 11 часов утра М. И. Терещенко наблюдал за тем, как восставшие занимают Главное артиллерийское управление. В полдень А. И. Гучков находился в служебном кабинете М. В. Родзянко, участвуя в написании телеграммы председателя Думы Николаю II о необходимости дарования «министерства доверия», рассматривавшегося ее авторами как этап на пути к отречению царя. Затем А. И. Гучков отправился в ГАУ, откуда после 14.00 вышел вместе с М. И. Терещенко, причем А. И. Гучков обдумывал состав нового кабинета, уже зная, что Дума «формирует правительство», а М. И. Терещенко получит пост министра финансов²⁸⁰. Именно этот пост М. И. Терещенко занимал в первом составе Временного правительства.

Руководители ЦВПК способствовали созданию органов революционной власти — Временного комитета Думы и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Уже вечером 26 февраля А. И. Коновалов «объезжал рабочих», организуя выборы в Совет рабочих депутатов. Утром 27 февраля управляющий делами ЦВПК барон Г. Х. Майдель, используя «гучковский или коноваловский автомобиль», немедленно после освобождения рабочей группы восставшими солдатами «с благословения» А. И. Гучкова и А. И. Коновалова объезжал вместе с К. А. Гвоздевым заводы и вел агитацию под лозунгом «неделенных выборов Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г.»²⁸¹.

Характерно, что 27 февраля члены группы направились в ЦВПК, где, по воспоминаниям М. В. Новорусского, находилось «много» «собравшихся» — они «с лихорадочным нетерпением следили за тем, как развертываются события». Придя в ЦВПК для того, чтобы «дать толчок к дальнейшим действиям», Б. О. Богданов, как «располагающий той силой, которая вышла на улицу в его отсутствие», обратился к присутствующим: «Идемте все в Думу. Мы власть уже захватили. Но без вас не сможем удержать ее. Будем действовать вместе». Данный факт необходимо сопоставить с тем, что 27 февраля солдаты и рабочие, связанные с рабочей группой, разъезжали по столице на грузовиках и кричали толпам: «Идите в Таврический дворец», «Идите в Государственную думу»²⁸². Члены группы и их сторонники вошли в Таврический дворец после полудня, тем самым воплотив идею демонстрации, первоначально запланированной на 14 декабря 1917 г.

К моменту появления представителей революционной контрэлиты в Думе депутаты вступили, по инициативе Н. В. Некрасова и его единомышленников, на

Куликов С. В. К предыстории Гражданской войны в России. Высшие военные власти Петрограда 23–28 февраля 1917 г. // Гражданские войны в истории человечества: общее и частное. Докл. всерос. науч. конф. (15–16 ноября 2003 г.). Екатеринбург, 2004.

²⁸⁰ Показания А. И. Гучкова... С. 262, 263; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2-х т. М., 1992. Т. 2. С. 341; Тыркова А. В. Петроградский дневник / Публ. М. Ю. Сорокиной // Звенья. 1992. Вып. 2. С. 327; Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 30; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 10.

²⁸¹ Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. С. 169; Философов Д. В. Дневник / Публ. Б. И. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1. С. 195.

²⁸² Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 30; Рафес М. Г. Мои воспоминания. С. 185, 186.

путь «первых революционных шагов» и не только отказались разойтись и собрались на частное совещание, но и создали Временный комитет Думы во главе с М. В. Родзянко²⁸³. Немного позже Б. О. Богданов, К. А. Гвоздев и их соратники по рабочей группе образовали в Таврическом дворце Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Организуя выборы в Совет, группа использовала свои связи на заводах, наложенные еще до революции²⁸⁴. Руководители ЦВПК были причастны к организации сотрудничества Временного и Исполнительного комитетов. Именно А. И. Гучков явился одним из инициаторов привлечения в первый членов второго — А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе²⁸⁵. Усилия А. И. Гучкова оказались небезуспешными, поскольку А. Ф. Керенский в состав Временного комитета вошел. ЦВПК давал и пропагандистско-информационное обеспечение революции. Именно там вечером 27 февраля возникла идея выпустить «Известия» от Комитета петроградских журналистов²⁸⁶.

Руководители ЦВПК сыграли главную роль при организации обороны новой власти от контрреволюции и при урегулировании конфликтов между солдатами и офицерами. А. И. Гучков уже 27 февраля предложил думцам организовать Военную комиссию «по защите Думы от правительства», назначить ее председателем прогрессиста Б. А. Энгельгардта, а его помощником — члена ЦВПК П. И. Пальчинского, который был «единомышленником и ставленником» А. И. Гучкова и фактически «возглавлял» комиссию. По распоряжению А. И. Гучкова 27 февраля на Финляндской железнодорожной дороге были развинчены рельсы иприняты другие меры к недопущению в столицу «нераспропагандированных» войск. На следующий день, 28 февраля, А. И. Гучков «путем увещаний» освободил офицеров Волынского и Преображенского полков, арестованных своими солдатами. Тогда же, после произнесения М. В. Родзянко приветственной речи, адресованной пришедшем в Думу преображенцам, они прошли, по свидетельству современника, в «кабинет Гучкова». Это весьма характерно, поскольку никакого кабинета в Таврическом дворце А. И. Гучков не имел. При обращении М. В. Родзянко к юнкерам Михайловского артиллерийского училища А. И. Гучков снова находился около него. Когда в ночь с 28 февраля на 1 марта в Думу прибыла депутация царскосельского гарнизона, ее встретил именно А. И. Гучков, хотя формально председателем Военной комиссии он еще не являлся. В ночь с 1 на 2 марта А. И. Гучков, уже в качестве председателя комиссии, поехал на Балтийский и Варшавский вокзалы, чтобы железнодорожники «не допускали» карательные экспедиции, причем «некоторые воинские части» Гучков выдвинул вперед, намереваясь «задержать поезда». Впрочем, эти мероприятия А. И. Гучкова являлись перестраховкой, поскольку единственная карательная экспедиция, посланная из Ставки под руководством генерала Н. И. Иванова, была, по сведениям великого князя Николая Михайловича,

²⁸³ «Протокол событий» Февральской революции... С. 112; Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 20; Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 31.

²⁸⁴ Мстиславский С. Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 13; Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета. С. 29; Николаевский Б. И. Меньшевики в первые дни революции // Меньшевики / Сост. Ю. Г. Фельгинский. Benson, 1988. С. 55; Гарви П. А. Профсоюзы и кооперация после революции. С. 12–13; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 76; Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Т. 2. С. 126, 127; Денике Ю. П. Б. О. Богданов в начале 1918 г. С. 222.

²⁸⁵ Беннигсен Э. П. Первые дни Февральской революции // Возрождение. 1954. Тетр. 33. С. 120.

²⁸⁶ Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. С. 288.

«Революции неизменно идут сверху...»

«инсценировкой» и «созданием рук» А. И. Гучкова и М. В. Алексеева, имея целью «усыпить возможное беспокойство императора». Выступая в Таврическом дворце 2 марта П. Н. Милюков говорил как о чем-то само собой разумеющемся, что А. И. Гучков «на улицах столицы организует победу». Даже в глазах посторонних наблюдателей вождем революции являлся А. И. Гучков, а не М. В. Родзянко²⁸⁷.

Соратник А. И. Гучкова, Н. В. Некрасов, осуществлял техническое руководство революцией. Характерно, что 27 февраля под «штаб восстания» в Таврическом дворце были отведены комнаты № 41 и 42 — кабинет Н. В. Некрасова и смежный с ним зал. Вечером 27 февраля благодаря Н. В. Некрасову, который, по воспоминаниям Н. В. Савича, находился в контакте с «главарями толпы», так что они понимали друг друга «с полуслова», состоялась поездка делегации думцев во главе с М. В. Родзянко в Мариинский дворец для того, чтобы уговорить Н. Д. Голицына уйти в отставку, а великого князя Михаила Александровича — взять власть в Петрограде и назначить новое правительство во главе с Г. Е. Львовым. Не выполнив указанных задач из-за сопротивления Николая II, около 10 вечера делегация вернулась в Таврический дворец, причем одновременно восставшие окружили Мариинский дворец и заперли выходы из него. После этого кабинет Н. Д. Голицына прекратил существование, а Временный комитет пришел к заключению «о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки». Синхронность перечисленных событий заставляет предположить, что особые отношения Н. В. Некрасова с восставшими отразились и на судьбе Мариинского дворца. После полуночи 28 февраля Н. В. Некрасов, по его воспоминаниям, «ушел в техническую работу помощи революции» и провел 28 февраля — 3 марта в Таврическом дворце. Здесь он давал по телефону распоряжения и справки, в частности, Петроградской телефонной станции и «отдельным представителям нашим в разных учреждениях», а также подписывал приказы об арестах, занятии учреждений и назначении в них комиссаров²⁸⁸.

Н. В. Некрасов руководил также членом Бюро ЦВПК А. А. Бубликовым, который с 28 февраля из МПС контролировал передвижения поездов Николая II и Н. И. Иванова. А. А. Бубликов «с особенной внимательностью» следил за ними и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах»²⁸⁹. Руководя А. А. Бубликовым, Н. В. Некрасов выполнял план А. И. Гучкова, подразумевавший задержание Николая II в пути для вынуждения императора к

²⁸⁷ Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917. С. 12; Лукаш И. Преображенцы. Пг., 1917. С. 22, 23; Демкин Д. И. Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. 1924. Кн. 6. С. 147; Показания А. И. Гучкова... С. 263, 272, 273; Допрос генерала Н. И. Иванова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 5. С. 323; Николай Михайлович. Записки. С. 110; Верховский А. И. На трудном перевале. С. 212; «Протокол событий» Февральской революции... С. 119, 121, 126; Речь члена Временного комитета Государственной думы П. Н. Милюкова на митинге в Таврическом дворце об образовании Временного правительства. 2 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 г. ... С. 157; Протокол допроса Ф. И. Балабина // Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000. С. 317, 318; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 56.

²⁸⁸ Мстиславский С. Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. С. 13; Савич Н. В. Воспоминания. С. 201; «Протокол событий» Февральской революции... С. 116, 117; Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 20.

²⁸⁹ А. А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. № 75; Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 20; Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 48–49.

Нестор № 9

отречению. Вечером 1 марта, когда, согласно решению оппозиционеров от 9 февраля 1917 г., монарха направили в Псков к генералу Н. В. Рузскому, А. И. Гучков заявил Временному комитету, что отправится к императору за отречением, даже если не получит полномочий на это. А. И. Гучкову, автору плана по задержанию царского поезда, было уместнее всего довести заговор до конца и, так сказать, поставить точку. Временный комитет дал А. И. Гучкову полномочия на принятие отречения в пользу цесаревича, и вместе с В. В. Шульгиным председатель ЦВПК поехал в Псков. Там уже 2 марта Николай II узнал, что за его отречение не только М. В. Родзянко, но и руководители действующей армии во главе с М. В. Алексеевым. Причиной солидарности военной элиты и общественной контрэлиты было предварительное соглашение генерал-адъютантов и лидеров оппозиции, прежде всего — М. В. Алексеева и А. И. Гучкова. Вопреки полученным полномочиям, А. И. Гучков вынудил Николая II отречься в пользу не сына, а брата²⁹⁰.

После захвата 28 февраля власти в Петрограде Временным комитетом входившие в него монархисты, ради тактического соглашения с республиканцами, отказались от компромисса с Николаем II, решив пожертвовать не только монархом, но, как показало состоявшееся 3 марта отречение Михаила Александровича, и монархией. В данном случае, как и ранее, руководители ЦВПК оказывали решающее влияние на события. Первоначальный текст отречения Михаила был составлен Н. В. Некрасовым. На совещании у Михаила за его немедленное воцарение высказался только П. Н. Милюков; А. И. Гучков же хотя и предложил великому князю принять престол, но, во-первых, условно, а во-вторых, в качестве не царя, а регента, чтобы «довести страну до Учредительного собрания». Ради компромисса с республиканцами А. И. Гучков фактически солидаризировался с ними, поскольку, в отличие от П. Н. Милюкова, сослался на пример О. Кромвеля и призвал к наделению Михаила статусом правительства империи без императора (который впоследствии имел адмирал М. Хорти в Венгрии). Рекомендация А. И. Гучкова имела не монархический, а республиканский подтекст, и не имела для него принципиального значения. Когда она не прошла, А. И. Гучков хотел было отказаться от поста военного министра, но тогда же, по воспоминаниям А. Ф. Керенского, «подумав, вполне успокоился и, видно, пришел к заключению, что Романовы больше не имеют возможности играть какую-либо роль в истории России». Содействуя республиканцам, председатель ЦВПК надеялся стать первым президентом Российской республики²⁹¹. Конформизм А. И. Гучкова, имевшего репутацию монархиста, во многом предопределил отказ Михаила от власти «в пользу народа», т. е. Учредительного собрания, что предусматривала еще диспозиция № 1.

²⁹⁰ Показания А. И. Гучкова... С. 263; Иностранные дипломаты о революции 1917 г. ... С. 121; *Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия*. С. 323; П. Л. Барк — А. Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 454. См. также донесение капитана де Малейси (*Соловьев О. Ф. Обреченный альянс*. С. 175). Подробнее о роли Ставки в ходе Февральской революции и отречении Николая II см.: *Куликов С. В. Причины «переотречения» Николая II // Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды*. Сб. науч. ст. СПб., 1994. Вып. 3; *Куликов С. В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиаменто»*.

²⁹¹ Показания А. И. Гучкова... С. 267; *Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне революции*. С. 256; *Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия*. С. 365, 366; Из следственных дел Н. В. Некрасова... С. 20; *Керенский А. Ф. Русская революция. 1917 г.* С. 57, 66–67, 68–71.

«Революции неизменно идут сверху...»

33. Контрреволюция как причина революции.

Диалектика отношений бюрократической элиты и общественной контрэлиты

Рассмотрение сквозь призму элитистской парадигмы ключевых событий Февральской революции показывает, что она стала результатом реализации плана, который был разработан А. И. Гучковым и его соратниками по пятерке и воплощен ЦВПК и рабочей группой. Это признал сам А. И. Гучков на состоявшемся 8 марта 1917 г. заседании ЦВПК. Он заявил, что органы ЦВПК «сыграли роль» во время революции, гордясь их «участием» «в событиях последних дней», когда «военно-промышленная организация» «приняла ту боевую вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы»²⁹². В Феврале 1917 г. руководители ЦВПК действовали как самые настоящие революционеры. А. Ф. Керенский «без колебаний» признавал, что «такие личности, как Гучков», проявили в дни Февральской революции «истинно революционный дух», «сражаясь за революцию»²⁹³.

Конечно, в революции участвовали и другие факторы, в том числе Дума, социалисты, масоны, а также — фактор стихийности, но все указанные факторы, при их несомненной значимости, лишь развивали линии, намеченные руководителями ЦВПК, причиной успеха которых являлся союз, заключенный в рамках ЦВПК между общественной и революционной контрэлитами. Хотя этот союз лег в основу нового порядка, бюрократическая элита, в лице, прежде всего, назначенных членов Государственного совета, не только сразу признала новый порядок, но и стала одной из его самых надежных опор²⁹⁴. Однако вопреки функциональной и в угоду политической целесообразности, общественная контрэлита, в лице Временного правительства, в полной мере так и не воспользовалась потенциалом прежней элиты, при том, что высшая бюрократия нанесла старому порядку удар едва ли не более роковой, чем оппозиция и революция вместе взятые.

Действительно, главной причиной падения монархии были противоречия не только между обществом и властью, но и внутри нее самой. Без обострения этих противоречий государственный переворот, победивший в марте 1917 г., потерпел бы поражение либо победил намного позже. Как отмечал Е. В. Тарле, «та компромиссная форма правления, которая существовала в России с 17 октября 1905 г., вовсе не должна была при всяких обстоятельствах безусловно погибнуть 2 марта 1917 г., и так именно погибнуть, как она погибла»²⁹⁵. Несмотря на наблюдавшееся в 1905–1907 гг. крайнее обострение противоречий между бюрократической элитой и общественной контрэлитой, именно потому, что первая осталась относительно консолидированной, натиск на нее революции, хотя и не без напряжения всех правительственные сил, был успешно отбит. Однако стоило к вызванному поражениям лета 1915 г. крайнему обострению противоречий между бюрократической элитой и общественной контрэлитой присоединиться политическому расколу внутри первой, между парламентаристами и дуалистами, как старый порядок почти сразу рухнул.

²⁹² Речь военного и морского министра, председателя ЦВПК А. И. Гучкова... С. 17, 18.

²⁹³ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917 г. С. 28.

²⁹⁴ Об отношениях бюрократической элиты и Временного правительства см.: Куликов С. В. Временное правительство и высшая царская бюрократия // Отечественная история. 1999. № 4; Куликов С. В. Временное правительство и высшая царская бюрократия // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 24. No. 1–2. Idyllwild, 1999.

²⁹⁵ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 161–162.

Парламентаристы во главе с А. В. Кривошеиным, пошедшие на высвобождение общественной инициативы ради предотвращения революции, невольно способствовали ее приближению, доказывая, что революции начинают не революционеры, а контрреволюционеры. «Революции, — писал В. И. Гурко, подразумевая первую русскую революцию, — неизменно идут сверху и захватывают народные массы лишь впоследствии. Только таким путем совершаются государственные перевороты, столь легко превращающиеся в национальные катастрофы»²⁹⁶. В еще большей мере это относится ко Второй русской революции. Она началась не в феврале 1917 г., а, по крайней мере, в августе 1915 г., и не внизу, а наверху — внизу она закончилась. Кажущееся начало революции, т. е. выступление народных масс, на самом деле стало ее концом или, во всяком случае, последующим этапом. Его победа в марте 1917 г., затормозив на десятки лет осуществление либеральных реформ, оказалась не причиной реформаторского процесса, а его следствием, вернее — лишь издержкой.

Неудача попытки парламентаристов расковать общественную инициативу предопределялась непримиримой позицией лидеров общественности, которые в годы беспримерной мировой войны, требовавшей консолидации власти и общества, рассматривали бюрократическую элиту в качестве противника, а не союзника. Свойственное А. И. Гучкову и другим знаковым фигурам общественного либерализма неприятие компромисса с высшей бюрократией во главе с Николаем II как основного средства не только тактики, но и стратегии, свидетельствовало о политической незрелости российского общества. «Чисто отрицательное отношение к правительству, систематическая оппозиция — признак детства политической мысли,» — писал апостол российского либерализма Б. Н. Чичерин²⁹⁷. Видя в компромиссе средство для достижения не союза с оппонентами, царскими бюрократами, а полной победы над ними, лидеры оппозиции, считавшие себя либералами, забыли слова Б. Н. Чичерина, что «умеренность, вообще, составляет первое требование здравой политики»²⁹⁸. Преисполненные максимализмом, они забыли и то, что для свободы «нет ничего гибельнее преждевременных попыток к ее вдоворению», а потому либерализм «умеренный», «старающийся не только заслужить доверие общества, но и поладить с правительством, вернее достигнет цели»²⁹⁹. Похоже, что А. Д. Протопопов понимал это лучше А. И. Гучкова.

В отличие от оппозиционеров, Николай II и бюрократы выказали почти безграничное стремление к соглашению с оппонентами. Данное стремление было вызвано большей, по сравнению с общественной контрэлитой, политической зрелостью и вестернизированностью бюрократической элиты. Лидеры общественности, при внешней приверженности западничеству, оставались носителями славянской ментальности, впадая в доктринерство и иррациональную идеиную неустойчивость. Если в 1906 г. А. И. Гучков выступал за монархию и введение для ее защиты военно-полевых судов, то всего лишь через 10 лет он уже был сторонником вооруженного восстания против той же самой монархии, возглавлявшейся тем же самым императором. Пользуясь выражением Ж. де Местра, «Пугачевым из университета» можно считать не только В. И. Ленина или А. Ф. Керенского, но также и А. И. Гучкова.

²⁹⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 501.

²⁹⁷ Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма... С. 48.

²⁹⁸ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3: Политика. С. 475.

²⁹⁹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. С. 785.

«Революции неизменно идут сверху...»

Лидеры бюрократии, в отличие от оппонентов, будучи традиционалистами по форме, на ментальном уровне являлись истинными западниками, демонстрируя прагматизм и рациональное политическое поведение. Поэтому царь и его сотрудники ишли на соглашение с оппозицией, несмотря на нарастание ее непримиримости. Говоря словами В. Парето, высшая царская бюрократия, как и всякая другая элита, клонящаяся к упадку, была «элитой лис», а не «львов». В этом заключались ее сила и слабость, проявившиеся особенно ярко накануне и в ходе Февральской революции, которая, кроме прочего, доказала еще и то, что причиной ухода со сцены правящей элиты являются не столько ее недостатки, сколько более общие обстоятельства, связанные с конечностью любых государственных форм. Гибель даже самого совершенного политического порядка исторически неизбежна просто потому, что всему приходит конец, и менее всего детерминируется степенью его несовершенства.